

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Т. А. Листова

Современный опыт взаимодействия Церкви, общества и государства: итоги полевых исследований в российской провинции и Крыму¹

Единственная задача, основная —
это приводить людей к Христу.
И тогда вряд ли эти чада
Божьи будут разрушать свое государство.
И мы можем, но хотят ли нас слушать?
Отец Сергей. г. Медынь, 2011 г.

1 В течение последнего десятилетия благодаря финансированию полевых исследований научными грантами мы имели возможность проводить экспедиционные работы по изучению всех проявлений Православия в жизни современного русского общества. Объектом исследования в данной статье стала крайне важная и в то же время вызывающая неоднозначную оценку в светской и духовной среде проблема — взаимодействие (реальное и желаемое) общества и государства с одной стороны и Православной церкви с другой. Иными словами, мы стараемся рассмотреть различные пути взаимодействия и, более того, взаимопроникновения светской и духовной ипостасей жизнедеятельности общества и соучастие светского государства в происходящих процессах. Само государство различные формы взаимодействия светского и духовного сводит к понятию православной культуры, что мыслится как ознакомление общества с его религиозными традициями и отчасти как возвращение к ним, но без каких-либо действий миссионерского характера. На конкретных примерах мы стараемся рассмотреть некоторые варианты из обширного круга явлений подобного рода. Само понятие право-

славной культуры не содержит единого значения. Существуют его различные интерпретации, подразумевающие разный объем смыслов и полноты понятия. Неоднозначна оценка ее статуса в обществе в настоящее время и желаемых прогнозов на будущее. В целом содержание понятия «православная культура» остается несколько расплывчатым и наряду с положительными ожиданиями вызывает подчас опасения: не приобретет ли обозначенный данным термином свод явлений характер формы, лишенной содержания.

Различия в оценке необходимости возрождения и сохранения православной культуры определяются прежде всего тем, как человек позиционирует себя самого в отношении православия, православной церкви и русской культуры в целом. Для одних принадлежность к православной культуре — это естественное состояние человека, воспитанного в традициях своего народа, факт самосознания, не обязательно поддающийся рефлексии, но прочно сохраняющийся в глубинах менталитета. Для других вера и церковь —rudименты прошлого, а соответственно и связанная с ними культура — принадлежность истории, не актуальная для XXI в.

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта РГНФ «Православие в современной России: новые формы взаимодействия церкви и общества» № 12-01-00201а и при финансовой поддержке ОИФН проект «Русские начала XXI в.: историческая память, самосознание, культура»

Понятие православной культуры подразумевает как обязательную составляющую различные формы взаимодействия церкви и общества, контакты между которыми были почти утеряны в годы воинствующего атеизма.

Изучение прошлого показывает, что история практически не знала безрелигиозных периодов, государство и общество всегда, в той или иной степени, нуждались в вере, и в Церкви. Формы взаимодействия этих трех важнейших структур во многом определяли и характер эпохи, и ход истории. Чем более религиозным было общество, тем большее значение имел для него фактор взаимосвязи и взаимозависимости светской и духовной иерархий. Однако достижение подлинной симфонии церкви и государства не было напрямую связано со степенью их слияния. Как правило, идеалом симфонии считается византийская модель, хотя и не все ученые с этим согласны. Чрезмерная близость светской власти вело к узурпации Церкви, как это происходило, например, в Византии в эпоху Юстиниана, что негативно сказывалось на всей церковной жизни народа, а, следовательно, и мешало церковному развитию. Как писал А. Шмеман, посвятивший специальное исследование истории Православной Церкви, «государство смогло сравнительно легко принять в качестве своей официальной религиозной доктрины церковное учение о Боге и о Христе,... оно могло, в той или иной мере „христианизировать“ свои законы. Но оно никак не могло до конца признать Церковь отличным от себя обществом, не понимало ее „онтологической“ независимости от мира»². Этот вывод, относящийся к V в. н.э., можно, до некоторой степени, отнести и к синодальной России.

В конце XIX — начале XX в. все очевиднее становится процесс разрушения единства монархии и общества. При этом большинство населения России сохраняло приверженность православию, что, в совокупности, и стало причиной усиления политического звучания крупнейших, тогда, церковно-религиозных мероприятий, направленных на поддержку монархической власти и усиления авторитета правящего императора. Каждое значительное религиозное мероприятие кроме прочего осмыслилось и с точки зрения его политического резонанса. Таковыми были, например, всенародно празднуемые торжества по случаю прославления в лице святых и обре-

тения мощей Серафима Саровского в 1903 г. Черниговские губернские ведомости (с перепечаткой из Московских новостей) информировали население о том, что благодаря «присутствуию Царя и его семьи... дни великого духовного торжества стали в Сарове и днями великого политического торжества»³. Молебны по данному случаю были проведены во всех церквях России, в том числе в белорусских и украинских. Однако, пропасть между властью и обществом продолжала расширяться чему способствовала и та, сложившаяся в России близость Церкви государству, при которой формализм светских чиновников сросся с формализмом церковных функционеров и образовал общее поле чиновниччьего формализма. События 1917 г. и новая политика по отношению к Церкви окончательно разрушили складывавшийся веками симбиоз Церкви, общества и государства. Итогом общественно-религиозного краха стали полувековые гонения на Церковь со стороны государства и насильственная атеизация общества, пытавшегося сохранить православную веру, но не решавшегося открыто выступить в защиту веры и Церкви. Хотя отдельных примеров защиты церковных святынь, можно привести много.

За 20 лет постсоветского периода положение церкви окрепло. Пожалуй, даже атеисты не станут оспаривать тот факт, что церковь сейчас является одним из важнейших институтов, соучаствующих в жизни общества и определенным образом воздействующих на него. Церковь отделена от государства, но практически постоянно присутствует в самых разных направлениях его функционирования, не обнаруживая стремления обрести статус государственной религии. И все же остаются вопросы, возникают постоянные дебаты в отношении того, как широко Церковь сама считает возможным и как широко ей будет позволено войти в жизнь общества, освящая его своей благодатью и распространяя религиозно-нравственные ценности православия. По разным данным приблизительно 70 % русских считают себя православными, а Православную Церковь и веру — неотъемлемой частью этнической культуры, признавая благотворное влияние православия на все стороны жизни народа. В определении концепции соотношения Церкви и государства большинство явно согласно с точкой зрения одного из исследователей современной религиозности, причем с точки зрения цер-

² Шмеман А., прот. Исторический путь православия. М., 1993. С. 191–192.

³ Черниговские губернские ведомости. 1903. 29 июля.

ковного человека — протодиакона А. Кураева. «Я думаю, что Церковь учила уроки прошлого, она не собирается становиться государственной Церковью, Церковью по обязательке. Вопрос идет о том, чтобы нравственные ориентиры, первые периферии, которые немножко свои у каждого человека, у каждой национальности, у каждой культуры, у каждой религии чуть по-разному конфигурация точек боли, точек радости. И вот мы бы хотели, чтобы эта аксиология, система ценностных ориентиров, которая присуща религиозным людям, чтобы она учитывалась государством»⁴.

Однако современная ситуация весьма своеобразна. С одной стороны, государство поощряет проникновение православного учения и религиозных постулатов церкви в светскую жизнь, апеллируя в основном к необходимости повышения нравственности в обществе, возрождения народных традиций и уважения к своей истории. С другой — возможности корреляции и воздействия церкви постоянно ограничиваются боязнью государственных структур быть обвиненными в клерикализме и в насаждении одной религии при конституционном равенстве всех основных религий России.

Полевые материалы, собранные в разных регионах России, а также для сравнения и у православных соседей — украинцев и белорусов, позволяют охарактеризовать некоторые наиболее существенные варианты взаимодействия церкви и общества, отметить истоки возникающих сложностей и возможности их преодоления. При этом мы опираемся не только на собственные наблюдения и беседы с разными категориями населения, но и на мнения экспертов — представителей церкви и сотрудников учреждений, в чьи обязанности входит та или иная форма соединения светской и духовной форм жизнедеятельности общества. Рассматривая каждое из направлений общественной деятельности, в которых соединяются инициативы светских и церковных инстанций, мы стараемся показать их многовариантность и отметить основные характеристики содержания.

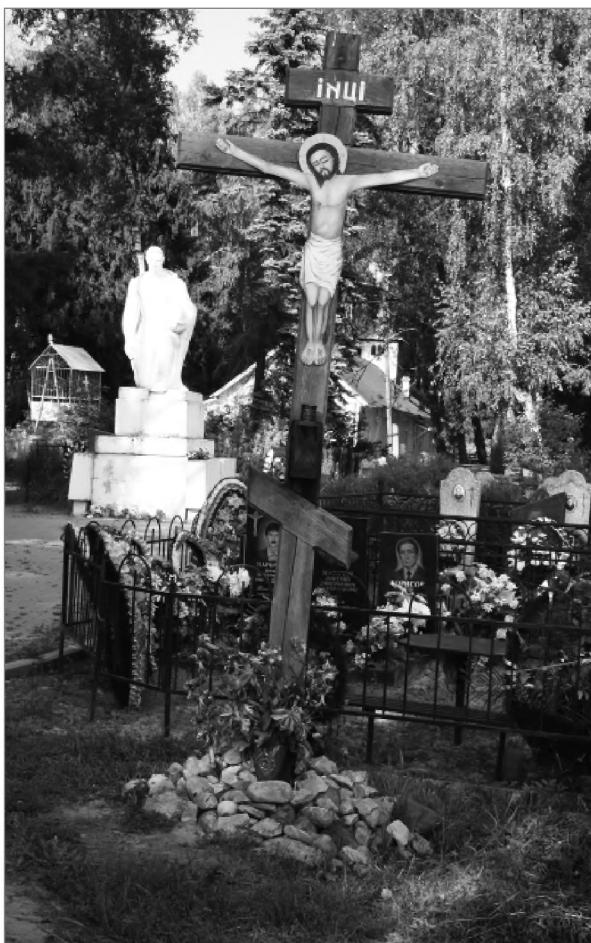
Считается, что Москва — наиболее религиозный город страны, в котором бурлят духовные искания. Не будем оспаривать данный тезис, но выражим опасения относительного того: всегда ли искания москвичей приводят их к единой Православной церкви? Провинция в гораздо

меньшей степени охвачена духовными поисками, она чаще менее грамотна, но верит проще, непосредственнее, опираясь на религиозные традиции своих предков. Конечно, атеистический период разрушил регулярную приходскую жизнь, в центре которой был храм, возвращение в церковь происходит постепенно. Но при этом провинция никогда не была атеистическим болотом. Не ушла у русских людей сама вера, часто наивная, не лишенная суеверий, но всегда содержащая уверенность в присутствии Бога и святых сил в их жизни. Характеристика религиозности современного населения не входит в нашу задачу, скажем только, что для понимания ее много дают короткие, но очень выразительные комментарии наших собеседниц: «Мы не знаем: есть Бог или нет, но верим» (с. Зaborье Красногорского р-на Брянской обл., 70 лет); «Я против Боженьки не иду. Это как-то с детства. Мама всю дорогу говорила, что надо Бога любить, уважать его, потому что без Бога — никуда» (с. Юховичи Россонского р-на Витебской обл., 72 года); частыми являются следующие выражения: «чувствовала Бога», «жила с Богом», «Бога не кидала».

Даже в советское богоборческое время сохранились не только многие традиционные формы религиозного поведения, о чем уже не раз писали этнографы, но и внешние выражения сохранившейся православной идентичности местного населения. К таковым мы, прежде всего, относим намогильные кресты, остававшиеся наиболее распространенной формой намогильных сооружений не только в сельской, но и в городской среде, особенно в небольших городах. Если в земной жизни человек еще надеялся обойтись без Бога, то в иной, вечной жизни он уже не хотел оставаться вне божественного мира. Коль скоро речь зашла о кладбищах, отметим, что в отношении к ним сказывалась уверенность в необходимости церковного соучастия в ситуациях не только личного, но и общественного характера. Как вспоминают, например, жители образовавшегося только в 1956 г. пос. Мирный, «кладбище здесь открывали, привезли батюшку освящать» (Гордеевский р-н Брянской обл., 2012).

Современные поселения постепенно наполняются предметным миром православия. Мы имеем в виду не только храмы, но и другие характерные для наших дней изобразительные формы, прямо или символично свидетельствующие о религиозной принадлежности жителей. Прежде всего

⁴ Кураев А. Церковь в мире людей. М., 2007. С. 73.

это кресты — уже не только намогильные, но и охранные по границам селений, кресты на местах разрушенных храмов, трагических событий, кресты или иконы при входе на кладбища — зримые свидетели православности и уже ушедших жителей, и тех, кто провожает их в последний путь.

Нельзя сказать, что установление крестов сразу у всех жителей стало вызывать однозначно положительную реакцию. Слишком долго они (кресты) были связаны лишь с кладбищенским пейзажем, в связи с чем возникали и суеверные страхи. Но в целом в настоящее время общественное мнение воспринимает их как устоявшийся необходимый атрибут охраны селения.

Православные символы входят и в такую значимую для сообщества жителей атрибутику, как герб города. Так, по предложению священника восстановленного Казанского собора г. Людиново

о. Алексея (Жиганова) в герб города включен хрустальный крест — единственный сохранившийся предмет из знаменитого хрустального иконостаса храма. В гербы города могут включаться и иконописные изображения, например, изображение Могилево-Братской иконы Богородицы в гербе г. Могилева.

Широкое распространение в городах получает и возведение монументальных скульптур — святых, канонизированных защитников веры и отечества или небесных персонажей, о чём мы уже писали⁵. Подобные скульптуры выходят за рамки традиций — и церковных, и народных, но нельзя отрицать их положительного воздействия на формирование религиозного мироощущения общества. По словам священника из пос. Россонь Витебской области, «В богослужении не употребляется скульптура. В плане богослужебного почитания религиозного предмета — у нас это крест и икона, скульптуре не воздаем религиозного поклонения. Но в плане общественного устройства общества я считаю — это очень хорошо, правильно, когда обществу, новым поколениям заявляется огромная роль той или иной личности. Мы должны знать своих героев, которые были и церковными людьми и общественными устроителями» (2010). Установление их обычно проводится объединенными силами церкви и светских властей и сопровождается массовым народно-церковным празднованием, что усиливает религиозную значимость происходящего. Наиболее часто местные жители, независимо от степени понимания ими возведенного религиозного объекта, говорят о возникающей у них уверенности в необходимости подобных действий для блага города и горожан. «Ставят — значит, для того, чтобы люди к вере возвращались. Вот в городе, в какую сторону поедете, стоит крест. При въезде крест большой. (Что это значит?) Ну, не знаю. Может быть, это Божья помощь, может, Бог городу и помогает. Мы же не знаем, но есть разум выше нас. Я лично так думаю, видеть нам не дано, но такое есть» (г. Новозыбков Брянской обл., 2010).

Своего рода традицией стало установление при въезде в провинциальные города колонн со скульптурным изображением Ангела-хранителя данного селения, называемого здесь «Доброго ангела». Этот вариант православного украшения

⁵Листова Т. А. Православие в общественно-религиозных праздниках советского и постсоветского времени (по материалам полевых исследований в российско-украинско-белорусском пограничье // Церковные праздники русского народа: от прошлого к настоящему. М., 2011. С. 202–206.

городов вызывает довольно критические оценки у искусствоведов, кроме того, существует мнение, что подобные сооружения — своего рода православный китч, что не может способствовать цели духовного окормления жителей. Однако образ Ангела-хранителя — один из наиболее любимых христианских персонажей, вошедших в мировоззренческий комплекс русского народа и сохранившийся там и в атеистическое время. Поэтому независимо от художественных достоинств вознесшийся над городом ангел воспринимается как вполне логичное воплощение передачи ангелу функции защиты не только своей семьи и себя самого, но и своего селения. Кроме того, сделанные на постаментах надписи напоминают гражданам об их православных корнях. Например, надпись в г. Лиски гласит: «*Да ведают потомки православные родной земли минувшую судьбу*» (Воронежская обл., 2014).

Таким образом, у всех жителей и, что особенно важно, у подрастающего поколения сам православный ландшафт способствует укреплению, а у некоторых и возрождению православного самосознания, чувству причастности к православной жизни своего народа.

По мнению одних священников, отношение себя к православному миру сохраняется у основной массы русских лишь на уровне культурологическом, как элемент этнического самосознания, по мнению других — вера, хотя и не оформленная в четкие понятия и определенные стереотипы поведения, присутствует у большинства населения и в наши дни. Сложность возвращения в православие, постижения его религиозных и духовно-нравственных законов, обретение способности и умения обратиться к Божественному миру — эти проблемы стоят как перед мирянами, так и перед окормляющим их духовенством. Специфику современной ситуации один из священников коротко охарактеризовал следующими словами: «*Иконы есть в каждом доме. В глубине души даже те, кто не ходит в церковь, люди верующие, это 100%. Но нет такой культуры*», имея в виду культуру как внутреннюю потребность религиозного поведения, как основу духовного устроения человека, что определяет все стороны бытия (с. Насыпное Феодосийского р-на. Крым, 2012).

Отсюда естественное желание всех, кого заботит будущее народа и его стра-

ны, заложить в сознание подрастающего поколения базовые основы православия, показать нераздельность понятий русская и православная культура.

2. Все последние годы не утихают споры по поводу возможности и целесообразности введения в светских школах преподавания Основ православной культуры (ОПК). Наполненная духовнымиисканиями, а заодно и постоянным страхом нарушить каким-либо образом принцип демократии Москва никак не может окончательно и бесповоротно решить эту проблему в положительном плане. Однако провинция, не охваченная таким разбродом мнений, этнически более однородная (мы имеем в виду такие области Европейской России, как Калужская, Смоленская, Брянская, Воронежская, Липецкая), сохранившая многие религиозные традиции прошлого, начала вводить данный предмет (в региональном варианте) еще до санкционирования его введения сверху. Так, в Смоленской обл. школьники начали изучать ОПК еще с 1991 г. После одобрения Министерством образования изучение ОПК приняло более широкие масштабы. При этом,

как показывают сравнительные материалы, удаленность от Москвы только благоприятствует успешности проведения школьной программы, в русской глубинке реже можно услышать о каких-либо недовольствах со стороны родителей.

Конечно, введение данного курса в школах, как и в целом политика сближения веры и Церкви с обществом, зависят от инициатив светских властей, а также авторитета и готовности к содействию руководителей Церкви. Так, уже в 2005 г. курс ОПК ввели в школах Людиновского р-на Брянской обл., причем как обязательный урок, чему активно способствовал бывший начальник отдела образования района, человек верующий, принявший впоследствии тайный постриг. По указанию губернатора преподавание ОПК должно было быть введено во всей области, однако реально далеко не везде для этого есть возможности. В Людиновском р-не изучением ОПК охвачено 90 % школ.

По общему мнению, введению и успешному преподаванию курса ОПК мешает главным образом отсутствие грамотных и любящих данный предмет педагогов. Здесь, как правило, главную теоретическую помочь оказывают местные священнослужители, а иногда и приглашенные преподаватели. Практически в каждом районе, где есть заинтересованные люди, понимающие значение православия для будущего возрождения страны, так или иначе организовывают религиозное просвещение учителей. Так, работники образования в г. Рославле Смоленской обл. развернули среди преподавателей религиозно-просветительскую деятельность под лозунгом: «*Спасем детей, спасем Святую Русь*». По их твердому убеждению, «мы же православные, мы должны знать историю». Здесь на базе методического кабинета организован постоянно действующий семинар, на котором уже несколько лет читает лекции настоятель прихода церкви Рождества Богородицы о. Михаил. Как пояснили: «Это учителя — у кого есть желание. Заставить мы никого не можем». Местные педагоги регулярно участвуют в Рождественских чтениях в Москве и затем проводят аналогичные чтения у себя в городе. В городе есть мужской монастырь и православная гимназия, которые после Рождественских проводят Сретенские чтения. У учителей есть практика на базе православной гимназии. В 2010 г. году на базе Центральной библиотеки при поддержке Смоленской епархии открыли кафедру православной литературы. В г. Людиново с 2005 г. начали проводиться курсы ОПК для учителей, приезжали преподаватели Свято-Тихоновского университета.

Религиозно-образовательные чтения получили большую популярность в Смоленской обл., отличаются они и характером проведения, и числом участников. Так, в г. Рудне в Рождественских чтениях участвуют только воскресные школы, а в Елизаветинских детско-юношеских чтениях и учащиеся общеобразовательных школ, с приглашением детей из других городов области и даже из Белоруссии. По словам работников отдела образования, «главными принципами этих чтений являются: добро, память, милосердие. Дети делают небольшие доклады, пишут про мечту, веру, ангелов» (2013).

И все же можно утверждать, что государство лишь чуть приоткрыло двери к вхождению Православия в программу религиозной социализации молодежи, ограничив возможности преподавания лишь чисто познавательными задачами в ракурсе региональной истории. В общеобразовательные школы для преподавания категорически не допускаются священнослужители, преподаватели должны знакомить учеников с предметом строго в рамках разрешенного курса. По словам бывшего учителя истории, а теперь широко известного как в городе, так и за его пределами, священника о. Алексея (г. Людиново), принимающего самое активное участие в организации преподавания ОПК в школах, ознакомление с православием должно выглядеть исключительно как «светский и культурологический предмет. Чтобы к нам не было претензий. Урок не может начинаться и заканчиваться молитвой. Должны познакомить с культурой. Можете познакомить с молитвой, много раз ее прочитать. Но читать или не читать молитву — это право ребенка и родителей. Объяснить, в каких случаях молитва читалась, почему, ребенок должен это понимать, но выбор делает он». И, комментируя ситуацию, добавляет: «Детям нравится, они ближе к Богу душой, они к этому стремятся». В методике преподавания ОПК важную роль играет не только изложение материала, но и эмоциональный фон его подачи, который может оказывать на детей большое влияние. И в данном случае учитель, даже если он сам глубоко проникнут духом православия, должен проявлять сдержанность. «Мы православную культуру даем в контексте общей истории. Делали большую выставку по православию. Даем писать сочинения. (Какие-то понятия: грех, наказания за грех?) Да, говорим, но не так, как священники говорят» (г. Рославль Смоленской обл., 2006. Методист при отделе образования). Перед преподавателями ставят

очень сложную задачу: говорить о православии, но с материалистических позиций, и даже основы христианской истории, содержащие ее суть, интерпретировать как сказочное чудо: «*На Рождественских чтениях — это не столько чтения, сколько вечера, постановки, сказки о том, как он (Христос) родился. При школе есть занятия под названием „Воскресная школа“.* На областной конкурс „Отечество мое православное“ они делали вещи, вышивали иконы. Но детей там не учат чему-то идеалистическому» (г. Рудня Смоленской обл., отдел образования, 2013). Согласно инструкциям отделов образования учителям часто не рекомендуется привлекать внимание детей к существующим православным традициям своей местности. Как говорят педагоги из г. Унечи, «*все ездят к святым источникам, каждая свадьба туда, но детям даже на уроках ОПК рассказывать об этом не рекомендуется*» (Брянская обл., 2013). Даже в местностях, где исконно проживает русское население, учитель, знакомя класс с основными понятиями православной культуры, не должен напоминать детям о принадлежности к ней: «*хоть и все в классе крещеные, учитель не может сказать, что вы все принадлежите к православной культуре. Это позиция толерантности. Учитель все отстраненно ведет*» (г. Унеча Брянской обл., 2013).

Условность поддержки государства в деле ознакомления детей с православной культурой и православием в истории своего народа сказались и во введении системы модулей, предлагающей родителям выбирать один из предложенных предметов, связанных с изучением религиозной культуры. Реально альтернатива ограничивается выбором ОПК или светской этики. И в данном случае большую роль играет общая установка областных или районных властей. В целом тенденцией можно считать предпочтение ОПК сельскими школами.

Подача преподавателем курса православной культуры исключительно в ракурсе общей характеристики материальных объектов православия и его роли в истории региона, принцип отстраненности от темы при изложении материала, дабы не быть обвиненным в проповедничестве, может создавать у детей ощущение того, что речь идет о религии прошлого. В данном случае появляется некоторое опасение создания ситуации, которую

А. Кураев охарактеризовал следующим образом: «Народ становится хранителем музея своего собственного имени. Он не столько созидает новую культуру, сколько живет воспоминаниями о том, что когда-то было»⁶.

И все же отрадно то, что данный курс даже в его современном варианте дает детям представление о религии своего народа. Возможно, он не пробудит веру, но вызовет интерес к ней, заставит задуматься о вечных проблемах добра и зла.

Примером активного сотрудничества светских и церковных структур в русле религиозной социализации детей и молодежи может служить Симферопольская епархия⁷. У этой епархии в целом и, особенно, у ее главы епископа Лазаря огромный авторитет в Крыму, в том числе и у светских структур власти, что позволяет успешно реализовывать совместные проекты. Еще до присоединения Крыма к России прорусская в целом позиция его руководства способствовала успешному взаимодействию Церкви, (абсолютное большинство храмов в регионе относились к Московскому Патриархату) и администрации республики. Как сказал нам секретарь епархии о. Александр, «*я 10 лет работаю в епархии, за это время сменилось несколько министров (образования. — Т.Л.). И ни один из них не отказался сотрудничать. У нас очень хороший союз*». В регионе в курс школьного образования входил предмет «ОПК Крыма» начиная со 2-го класса, «по выбору». Правда, как отмечают в епархии, министерство очень жестко смотрит, «чтобы преподавание было в рамках изучения культуры». Епархии помогает широкий круг энтузиастов возрождения православия. Ежегодно проводится конкурс «Учитель года» по «Основам православной культуры», а также совместные с Министерством культуры и образования научно-практические конференции. Однако взаимодействие Церкви и светских структур отнюдь не ограничивается школой. Один из наиболее интересных проектов, разработанных и организованных епархией при участии Министерства образования, — конкурс старшеклассников — знатоков православной культуры под названием «Зерно истины». Он проводится регулярно, сначала по школам, затем в масштабах города, региона и, наконец, как международный. Был выбран формат известной телевизионной игры «Что, где, когда». Инициаторы проведения конкурса сумели

⁶ Кураев А. Указ соч. С. 158.

⁷ Материал собирался еще до присоединения Крыма к России. Присоединение практически не повлияло на религиозную жизнь Крымской епархии, состоящей и ранее в лоне Московского Патриархата.

получить лицензию у владельцев игры, организовать проживание участников международного этапа конкурса рядом с морем, изыскали возможности награждения победителей. Первый приз — путевка в Грецию для всей команды на две недели, переходящий приз — серебряная пальмовая ветвь. Конкурс получил благословение от патриарха и поддержку от фонда прп. Серафима Саровского (местные власти деньги не вкладывают). На конкурс приезжают и ученики из России и Белоруссии. Причем, как с гордостью отметили в епархии, участники конкурса из Крыма — это в основном учащиеся образовательных школ, в то время как из остальных мест приезжают ученики, посещавшие воскресные школы. Конкурс транслируется по ТВ и затем идет во Всемирную сеть в Интернет. Как сказал фактический инициатор конкурса секретарь епархии о. Александр, «*детям интересно, Они общаются в сетях, у них есть своя сеть „Знатоки православной культуры“*». Обширная программа епархии по привлечению молодежи в мир православия этим не ограничивается. В 2001 г. прошел первый съезд православной молодежи Крыма — раньше чем в Москве, из которой активисты приехали перенимать опыт. Одновременно начала действовать организация «Объединение православной молодежи Крыма», которая каждый год организует лагерь (человек по 50), под названием «Граждане неба». При Петропавловском соборе г. Симферополя существует и организация «Православные следопыты — разведчики», куда входят дети 10–16 лет, которые также имеют свой лагерь. По замыслу организаторов всех указанных мероприятий — их назначение не только объединить уже воцерковленных детей и молодежь, но и привлечь тех, кто еще далек от православной жизни.

Опыт православной работы в Крыму, где особенно актуальны этноконфессиональные отношения и возможны различные конфликты на этой почве показывает, что разумная политика православного просвещения исключает возможные эксцессы. Это актуально и для России, поскольку один из основных аргументов противников введения ОПК и включения православного элемента в занятия в детских садах — это опасность оскорблений религиозных чувств представителей других конфессий, прежде всего мусульман. В Крыму сама православная епархия выражает заинтересованность в том, чтобы проводились уроки «Основы мусульманской культуры», утвержденные Министерством образования Крыма, что исключит какие-либо нарекания по поводу приоритета одной религии. Однако

подобных занятий практически не проводится из-за отсутствия учителей. По словам сотрудников епархии, нередки случаи, когда татарские дети принимают участие в православных детских спектаклях и родители не препятствуют детям посещать ОПК.

О том, что опасность раскола общества из-за введения ОПК нарочито раздувается, говорят и священники русской глубинки. Так, о. Алексей из г. Людиново отверг существование каких-либо реальных православно-мусульманских столкновений на почве уроков ОПК: «*У нас есть мусульмане. Мы говорим, Вы можете не посещать. Нет, говорят, мы собираемся здесь жить и хотим знать православную культуру. У нас ежегодно фестиваль „Пасхальные символы“.* Так женщина мусульманка с дочкой готовили пасхи и куличи и принимали участие в выставке. Один раз только свидетели Иеговы что-то начали, ну им и сказали — не ходите. Если бы была государственная позиция: люди, приезжающие сюда, должны знать культуру местного населения. В обязательном порядке, не спрашивая их согласия. Тогда не будет никаких конфликтов» (Калужская обл., 2012).

Гораздо более полное и глубокое изучение православия, и, сверх того, постепенное погружение в него не только как в историческую реальность и свод нравственных положений, а как в возможный образ жизни, предусмотрено в воскресных школах. Сеть этих школ растет вместе с возрождением новых приходов и, как правило, знакомство с ними производит отрадное впечатление. Здесь не только дают знание азов православия, но и учат ребенка с малых лет быть христианином. Возможно, от этого сама установка в таких школах наполнена ощущением доброты и взаимной заботы. Авторитет и популярность таких школ среди населения зависят во многом от статуса церкви и ее духовенства, активности преподавателей и привлекательности самого процесса обучения. Как правило, детям не только преподаются знания религиозного характера, с ними проводятся музыкальные и художественные занятия. Как и в обычной школе, преподаватели ищут наиболее результативные формы обучения и общения с детьми. Можно привести пример воскресной школы при храме Александра Невского в г. Кирове Калужской обл. Школа пользуется большой популярностью у детей и вызывает одобрение взрослых, даже далеких от приходской жизни. Большое внимание в школе уделяется самой форме учебного процесса. Возглавляющая школу матушка Анастасия (26 лет), жена настоятеля храма, пояснила: «Я под-

Пос. Кр. Гора. музей. Работа детей

глядела, как ведутся занятия, как организован курс занятий в Калуге в храме Покрова-на-рву. Там школа уже более 10 лет. Мы отказались от классно-урочной системы, не сидим за партами 40 мин. Все сели кружком, преподаватель беседует. Непринужденное общение. Урок 40–60 мин. Мы решили, что нужно больше развивать детей. Много детей из малообеспеченных семей, которые ничем не занимаются. Есть группа дошкольников с 3 до 6 лет, вообще дети до 15 лет, всего 110 человек. Предметы: именно, чтобы интересно. 1. Основы православия — это обязательно, каждый возраст по своей программе. 2. Изделия из глины — у младших. Старшие — развитие общей выносливости. Это спортивные занятия. 3. Трапезная — кулинария. Учим готовить и потом все пробуют. 4. Музыкальные занятия — праздничные песнопения. У нас и концерты, и спектакли ставим. К владыке ездим на Рождество на колядки. Это традиция нашей епархии. Старшие мальчики занимаются лозоплетением. Какие-то занятия объединяют, но за день четыре предмета должны пройти. И чаепитие обязательно».

Продуманно, в соответствии с возрастом, и происходит само ознакомление с христианским

учением. «Основы православия — им интересно. Например, изучаем иконы, они все помнят, много вопросов. Иконы связываем и с историей, и с праздниками. Загробный мир пока не трогали, может, когда подрастут. Чтобы рассказывать детям о загробном мире, сначала нужно пройти азы. О грехах и наказании — мы делаем акцент на том, что чтобы ты ни сделал в своей жизни, у тебя есть возможность покаяться. Кайся. Но не все безгранично. Когда-то любовь Божья может и закончиться. О грехах говорим, когда готовим их к исповеди и причастию. Про страх наказания — нет. От страха тоже ничего хорошего не получится. Мы эти вопросы обходим. Рано или поздно они коснутся каждого, но наша задача — дать азы, чтобы выросли нормальные мысли. А дальше Господь управит». Детей постепенно учат основам православного поведения: писать записки о здравии и упокоении, готовиться к исповеди, обращаться к святым силам. Школа приобретает народный характер, из нее «уходят мало, в основном приходят и за собой ведут».

Безусловно, выпускники подобных школнесут свою лепту в укрепление православия и православной культуры в обществе. Можно добавить, что в воскресных школах часто работают бес-

корыстные энтузиасты. Не исключение и данная школа, в которой «только физкультурой занимается учитель со стороны. Остальные все наши. Сейчас не платим им, они все во славу Бога. Но я чувствую: как только начинаешь делать платно, не очень все получается. Но люди от этого удовлетворение получают».

Результаты экспедиционных исследований показывают, что инициативы священников и энтузиастов в области религиозного просвещения приводят к возникновению разнообразных, нестандартных форм сотрудничества с образовательными учреждениями. Один из наиболее удачных примеров мы встретили в пгт Ершичи на западе Смоленщины. Здесь в 2005 г. был создан кружок «Доброта» как совместное мероприятие прихода и Дома детского творчества, который финансирует занятия, а ведут их прихожане. Идейный и практический руководитель кружка настоятель храма Симеона Богоприимца молодой священник о. Александр Коржаков постоянно ищет такие формы организации занятий, которые позволили бы реализовывать задачи духовного просвещения, но при этом не вызывали нареканий со стороны светских инстанций. Его рассуждения относительно возможностей включения религиозного элемента в светские занятия безусловно заслуживают внимания: «За счет Дома детского творчества у нас большой охват детей, и в то же время мы можем рассказывать что-то о православии. Мы не заставляем ни молиться, ни креститься. Но рассказываем о том, что есть люди, которые молятся и постятся. Это очень важно. (Но каким-то молитвам учит?) Да. Ведь молитвы можно рассматривать не только как религиозный текст, но и как культурный текст. Молитва — это часть нашего культурного наследия. Вот в Снежной королеве Герда читает молитву. Какую — Отче наш. Это мы берем не советский вариант, а полный. Что это за молитва? Почему ребенку нельзя рассказывать? (Подводите к тому, чтобы выучил ее?) А почему бы и нет? Все делается с разрешения родителей. Родителей предупреждаем, что в рамках этого кружка дети могут учить молитвы и посещать храмы и даже богослужения, если вы согласны. Были случаи — не хотят. „Не хотим, так как ребенок стал слишком много говорить о Боге“, и тогда ребенок из этого кружка уходит. Но со временем некоторые из них приходят опять. Они поют, рисуют. Такой душевноравственный аспект: научить доброте и познакомить с нравственной культурой, научить доброде-

тели через христианскую культуру. (Как подводите к тому, что нужно быть добрым? Бог вознаградит?) Ну, примерно так. Есть христианская и светская этика. Их объединяет категорический императив, золотое правило, это и до Христа: поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой. Основной возраст — дошкольники, поэтому слишком много не говорим. (А за грех?) Ничего. Запугивать — неправильно, даже с точки зрения богословской. Кружком ставим спектакли, сценки — Рождество Христово, Пасха. Сценариев много. Показываем в обычной школе, в Доме детского творчества, в храме, и несколько выездов в социальные учреждения, больницу. В прошлом году в кружке было 40 человек — три группы».

Еще до введения официального курса ОПК в школах отдельные верующие энтузиасты пытались в той или иной форме привнести православный элемент в воспитание детей в школах, что чаще всего вызывало противодействие со стороны лиц, отвечающих за образовательный процесс. Одну из показательных историй нам рассказал глава администрации с. Новая Калитва Воронежской обл. «В начале 1990-х годов создавалась православная община. И вот уже при мне трое учительниц стали ездить в церковь в Россошь. А директор школы пришел ко мне, у него негативное отношение. Он говорит: „Вот я соберу педсовет и разгоню это. Что мне религиозную sectu устроили в школе?!“ Я говорю: „Если ты это сделаешь, это будет самой большой ошибкой в твоей жизни“. Дальше события развивались так: в школе появились сторонники православия. Устроилась на работу молодая женщина, художник, вела изостудию. Она изъявила желание вести воскресную школу, мы ей разрешили. Наши помещения для молельной комнаты, в аренду бесплатно. И дети стали активно туда ходить, человек 17–18. И вреда-то от этого нет никому. И когда директор это понял, он стал совсем по-другому относиться к этим людям и даже хвалился. Если кто приезжал, говорил: у нас есть и православная школа, наши преподаватели ведут. Это не в школе, а при молельной комнате» (Россошанский р-н, 2002).

За двадцать лет постсоветского периода позиция светских инстанций изменилась в сторону большей открытости к взаимодействию с Церковью, но по-прежнему в тех случаях, когда дело касается воспитания и образования детей, администрация проявляет большую

осторожность. Именно с такой ситуацией столкнулась руководитель молодежного отдела при Владимирском соборе г. Лиски А. А. Гордышева и ее помощники. Тот вариант работы с детьми и шире — с населением города, который осуществляется в этом храме, можно отнести к новационным поискам соединения духовного и светского. Каких-либо апробированных схем работы церковных молодежных отделов нет, оптимальные варианты приобщения детей к православию и пути их реализации вырабатываются эмпирическим путем: «Грань между светским и церковным трудно найти, мы в постоянных поисках» — говорят сотрудники отдела. Исходя из того, что православие начинается с храма и человек, для которого дом Божий остается чужеродным объектом, никогда не станет христианином, молодые энтузиасты направили усилия на то, чтобы с детских лет для жителей города храм становился частью «своей» культуры. Концепция организации храма еще при его проектировании учитывала расширение обычных церковных функций: по всему периметру идет галерея, в которой находятся помещения для проведения различных культурных мероприятий. Здесь проходят занятия для взрослых и лекции, сюда же регулярно приводят школьников из летних лагерей. О характере организации работы и ее целях заведующая молодежным отделом говорит следующее: «Решили привлекать сюда людей на концерты — ко Дню матери, Дню семьи, Дню инвалидов, чтобы они совпадали с православными, и с государственными праздниками. На 9 Мая концерт, выпускали с детьми красные шары, колокола звонили. Сначала наша инициатива — давали объявления в „Лискинских известиях“, беседовали с преподавателями. Потом сами школы стали проситься на занятия. Приходят сюда дети, ничего не знают. Если их сразу загрузить религией, они потом сюда больше не придут. Первая неделя — это экскурсия по храму, знакомство с историей собора. Устраиваем для детей мастер-классы. Выбираем темы для лекций так, чтобы звучала православная тема, но чтобы в тоже время была видна и светская личность. Рассказываем о прп. Сергии Радонежском, адмирале Ушакове. Вначале и со стороны детей, и со стороны родителей была настороженность. Мы обращались в Отдел образования, но они не помогли. Не препятствовали, но и не помогли. Только когда комиссия из области одобрила работу, тогда пошли навстречу. Комиссия отметила, что случай беспрецедентный, у них такого не было. Нет

давления, не заставляем сразу прийти в храм и молиться. Приходят даже мусульмане, их родители не против. Школы здесь уже как дома. В храме актовый зал на 150 человек, в нем проводим общегородской пасхальный концерт, вместе с ДК. На Петра и Февронию концерт,отовыставка и затем акция для детей: автоклуб выделил машину, детям дали краски и предложили самим ее разрисовать. Подвижные игры возле собора. Для чего все это — ведь когда дети приходят в собор, для них всё чужое. И ребенок, подросток боится даже к священнику подойти, вообще боится в храм войти. А здесь — они уже начали ходить на мероприятия, пусть не совсем религиозные, но с нравственным уклоном. Приходят несколько раз — и они уже освоились. Надо чем-то зацепить, тогда ребенок еще раз придет. Воспитание православного человека — это очень длинный путь». Здесь используют все возможности для того, чтобы храм стал центром не только религиозной, но и культурной жизни, с определенным уклоном воспитания нравственности и патриотизма. Например, с этой целью из расформированной воинской части в храмовые помещения забрали экспонаты полкового музея — тачанки, пулеметы, исторические документы. Как сказали в молодежном отделе «здесь нужно консолидировать всё, что у нас есть ценного. И опять будут приходить школы. Это будет полноценный военно-исторический музей. Но будет уклон: при полку была церковь полковая, и об этом будут говорить». Можно добавить, что церковь изыскивает средства кормить обедом всех приходящих на занятия школьников.

Полевые материалы свидетельствуют о том, что в провинциальных, особенно сельских школах православная тема в воспитании детей звучит не только на специальных занятиях. Верующие учителя используют любую возможность для приближения православных традиций к учащимся. По словам учительницы физики и биологии из с. Ивайтенки Брянской обл. С. В. Ищенко, «тема православия очень близка, так как природа и Бог неразделимы. Это очень благодатная почва, чтобы зародить в детях чувство добра. Ну, стараюсь я очень аккуратно, чтобы дети не сказали, что Светлана Владимировна проповедует. Надо ненавязчиво. Вот, например, День птиц (1 апреля). Я ребят спрашиваю: „Дети, вы знаете, в какой великий праздник есть традиция выпускать на волю голубей?“ Никто ничего не знал. Я немного рассказала. А как раз на 7 апреля был крестный ход у нас,

выпускали птиц. Вот детям рассказала, как это было прекрасно! (Современным детям хочется ли все это слушать?) Мне кажется, что хочется. А в деревне вообще дети очень добрые» (Унечский р-н, 2013).

В целом, рассматривая значение различных форм православного обучения и воспитания, приходишь к выводу о том, что верующие педагоги основной своей целью ставят ознакомление с православными традициями вообще и своей местности в частности. Но не менее важным представляется им и необходимость пробудить в ребенке ту искру, которая потом приведет его в церковь. Даже формальный курс ОПК при умелом преподавании может вызвать отклик в душе ребенка. Как сказала постоянно имеющая дело со школьниками заведующая музеем из г. Сураж. «*ОПК воздействует. Это вызывает эмоции»* (Брянская обл., 2013). Явные результаты посещения упоминавшегося выше кружка «Доброта» отметила бабушка одного из его участников: «*Там порядочно детей, потому что там весело, интересно, проходят какие-то мероприятия, которых дети не знают, которые были когда-то, возрождают старые обычаи. Ангелочеков вырезают. Внук говорит: если повесить, то будет охранять. И что-то внуку в душу запало. Не то, что крестится ежеминутно, но он уже говорит, что что-то там не стоит говорить: Боженька слышит»* (пгт Ерсики Смоленской обл., 2013). Но именно в пробуждении интереса к религии многие

родители видят опасность не только специальных занятий в воскресных школах, но и даже в уроках ОПК, что часто объясняет выбор модуля светской этики. Это одно из своеобразных проявлений современного менталитета: признание себя православным и одновременно нежелание допустить влияния религии на свое сознание и образ жизни.

3. Одним из наиболее интересных и в то же время противоречивых явлений общественной жизни сегодня можно считать праздничные мероприятия, соединяющие церковные и светские элементы. Дореволюционная праздничная культура была результатом постоянного взаимодействия и взаимовлияния церкви, общества и государства. Установленные церковью праздники никогда не существовали в отрыве от мирской жизни, составляя в результате единую церковно-народную культуру. В священное время праздника природа и люди были нераздельно осеняены Божественной благодатью. Разведение по времени церковного и внецерковного проведения праздника не выводило их за рамки единого сакрального времени. В то же время формирование и реализация праздничного календаря не оставались вне внимания государства, поскольку Церковь не была отделена от него и религиозная жизнь граждан входила в общую структуру государственного устройства. 1917 год не только полностью изолировал Церковь, но и придал ей статус антагониста государства. Светские власти ставили целью полностью изгнать Церковь

из жизни общества. Подытоживая собранный к настоящему времени обширный материал, касающийся религиозной ситуации советского периода, можно сказать, что разрушение связи светского общества с Церковью как организацией, традиционно функционирующей в массе приходских храмов, было если не полным, то катастрофичным для сохранения церковной жизни народа. Однако сама православная вера, трансформированная и сокращенная в реальных вариантах ее проявления, сохранялась в общественном сознании. И с начала 1990-х годов мы видим взаимодействие двух векторов, определяющих религиозную ситуацию: снизу — желание возродить свою веру и вернуть утраченные храмы, что отчасти отвечало потребности реализации религиозных чувств, отчасти же объяснялось стремлением вернуть этнические традиции. Политика сверху — протекционизм в отношении православной Церкви, одним из проявлений которого было намерение возродить традиционную праздничную культуру, использовав при этом силы не только духовных, но и светских организаций. Анализ некоторых результатов данной политики был рассмотрен в коллективной монографии, посвященной анализу церковных праздников, в том числе их современным вариантам⁸. Однако исследования продолжаются, расширяясь и территориально, и тематически, показывая разнообразие вариантов взаимодействия церкви и государства в рамках праздничной культуры. Более очевидными становятся не только позитивные и явно удачные варианты соединения светских и духовных элементов в праздничных мероприятиях, но и возникающие при этом взаимодействии сложности, свидетельствующие о том, что организационный путь возрождения традиционной культуры далеко не всегда дает желаемые результаты. Мы уже отмечали, что одной из особенностей трансформационного процесса в сфере праздников является возложение на работников культуры обязанности возрождать не только внецерковные варианты обрядового проведения того или иного дня, но и обеспечивать присутствие в нем церковной составляющей.

Перемена курса внутренней политики государства с 1990-х годов не означала беспощадной борьбы с теми, кто остался верен социалистическим идеалам и устоям жизни советской эпохи. Верность традициям социализма находит отражение и в праздниках. При этом светские структуры, чьим назначением в течение 50 лет

были конструирование и проведение так называемых советских праздников, в настоящее время категорически игнорируют те из них, которые несут ярко выраженный идеологический смысл. Характеристику ситуации дала руководитель отдела по делам молодежи г. Клинцы: «Участие церкви входит уже как обязательная часть в сценарии многочисленных городских праздников. При этом бывшие советские праздники 7 ноября и 1 мая продолжают свое существование. Их организацией занимаются коммунисты вместе с профсоюзами, но со участие местных властей ограничивается выдачей разрешения на проведение шествий и митингов, без какой-либо конкретной помощи в их организации» (Брянская обл., 2012).

В процессе возвращения церкви в общество через ее включение в праздничную жизнь городов и сел можно выделить, хотя и условно, несколько направлений: 1) соединение в общем действии светской и церковной части праздника. 2) организация праздничных мероприятий светского характера, но с религиозным содержанием. Наиболее распространенный и успешный вариант — детские спектакли, приуроченные к определенным православным праздникам. 3) Светские мероприятия с приглашением церкви. 4) Церковные инициативы, обращенные в светскую жизнь.

Первый из указанных вариантов может касаться как наиболее значимых в народно-церковном календаре праздников — Пасхи, Рождества, Троицы, так и мероприятий, иногда одноразовых, проводимых в связи со значимыми для данного селения событиями. Материалы показывают, что население хочет и готово видеть соучастие церкви в проведении исконно православных праздников, прочно занявших место в народной культуре. В годы советской власти устойчиво сохранялась народная традиция их проведения, в то время как церковная часть по объективным причинам ушла. Вместе с ней значительно ослаб, а то и вовсе исчез сакральный смысл, литургическое наполнение дня. Даже возрождение храмов не везде и не сразу приводит к пониманию того, что престол, посвященный святому или празднику, не имеет реального смысла без молитвы Богу. Возвращение религиозного содержания праздника — процесс постепенный, но результаты уже на лицо. Молодой священник о. Сергей из с. Темкино вспоминает: «Я поехал в с. Булгаково на Казанскую. Открытие у

⁸ Церковные праздники русского народа: от прошлого к настоящему / Отв. ред. О. В. Кириченко. М., 2011.

них было в 10 часов утра — день села, это у них престольный праздник. День города или села всегда у нас делают на престольные праздники и всегда приглашают священника. Водосвятный молебен, окропляю, затем гуляние и концерт. В прошлом году меня на Казанскую вызвали в Смоленск с утра. Праздник был назначен на 11 утра. Мы приехали в 16 часов и все нас ждали. Мы отслужили, и я всех поздравил» (Смоленская обл., 2007).

Менее удачными можно считать попытки соединить светское и церковное действие, вынося последнее на внехрамовое пространство, включая его непосредственно в общественно-публичное, наполненное игровыми моментами проведение праздника. И в данном случае ясно проявляется один очень важный момент: государство готово открыть дорогу церкви в свою общественно-праздничную жизнь. Но всегда ли священнослужители могут включиться в светскую жизнь без угрозы для своей «иноприродности», не рискуя снизить мистику церковной службы до уровня профанного. Нам не раз приходилось слышать, что именно эта угроза заставляла священнослужителей отказываться от участия в публичных мероприятиях. Как сказал священник из с. Насыпное, «На Пасху освящаю после службы, до того — не позволяю себе, если только кто-то болеет. И никто здесь об этом и не заикается. С ДК как-то вместе проводили Троицу, но мне не понравилось. Два года проводили вместе. Но мирское и духовное соединить трудно. Наверное можно, но я на это неспособен. (Люди готовы к этому?) Люди всегда не готовы, аморфны» (Крым, Федосийский р-н, 2012).

Аналогичным образом сложилась ситуация в с. Курковичи. «Яблочный Спас — День села. Это престольный праздник, со всех концов гости. Семь лет делаем. В каждый двор можно зайти, и везде накрыт стол, ждут гостей. Поэтому мы и стали проводить. На Яблочный Спас очень красочно украшаем. Конкурс костюмов. Овощи, фрукты — в такие костюмы. Есть гостиный стол, на нем пироги с яблоками, работники культуры делают и местные помогают. И практически у всех гости. Так что сначала здесь посмотрят, а потом по домам. Вечером концерт, дискотека. И все приходят, все возраста. Обрядовое действие обязательно, связано со жнивом, со снопами из колосьев, с яблоками. Сценарий из Интернета. Есть и религиозная часть. Мы рассказываем, что в этот день произошло, про Преображение. Священника приглашаем,

но они на такие мероприятия не приезжают — тут музыка. Однажды они были у нас и больше не ездят. А хорошо было: все освящали яблоки, пироги с яблоками. И люди хотели бы, чтобы был священник, каждый раз спрашивают» (Брянская обл., Стародубский р-н, 2011). Ситуация в данном селе интересна еще и с точки зрения религиозного самосознания жителей, ощущения ими непрерывной связи с прошлым своего села, с окормлявшим и освящавшим его храмом. В их словах и ощущение греха за разрушение святыни, и надежда на то, что хотя бы почитанием праздника, которому был посвящен храм, до некоторой степени они оправдывают себя перед Богом. «Мы очень рады, что этот праздник так у нас проходит, так как Дом культуры стоит на месте церкви Преображения. Сейчас это как бы возрождается, этот день как-то в душе у каждого». Восстановить храм в селе уже практически нереально, так как осталось всего 500 жителей. Но о религиозности населения хорошо знающий своих односельчан директор ДК сказал: «Иконы есть в каждом доме. В Бога верят все».

Не счел возможным переносить церковные действия в обстановку публичного светского празднования и священник из районного центра пос. Красная гора. Инициатива приглашения духовенства на празднование Рождества Христова исходила от работников культуры, считающих, что соучастие церкви в православном празднике не только уместно, но и придаст празднованию нужное звучание. «Рождество проводим на улице. Мы делаем сценарий, все тематически. Приглашаем женщин, которые церковные песни поют. Это скорее христославление. Делаем сценки Рождества Христова, колядки и звезду, все это театрализовано. Батюшка на такие мероприятия к нам не ходит. Он сказал: нельзя смешивать светское и духовное. Это же на площади. Потом, у них еще служба в церкви, а мы начинаем свое на площади. Однажды мы только батюшку приглашали, и он сделал службу в ДК, наверное, неполную, но с певчими. Это на Рождество» (Брянская обл., 2012).

Как мы могли убедиться за время полевой работы в разных регионах России, среди священников нет единого принципиального подхода к уместности и степени соучастия церкви в празднествах. Одни считают, что церковь должна активно использовать праздничные возможности тесного контакта с населением, другие категорически против. Приведем мнение священника о. Алексея из г. Людинова — одного из наиболее

активных служителей церкви, причем в плане не только духовного окормления паствы, но и в миссионерской работе. Человека, знающего и уважающего народную культуру своих мест, собравшего в храме прекрасный этнографический музей. На наше замечания о том, что не все воцерковленные люди хотят общего праздника, он ответил: «Я эту позицию не понимаю. В Юхнове (предыдущее место служения о. Алексея. — Т.Л.) День города на Казанскую, и мы устраивали крестный ход. Пришел другой настоятель: зачем эти молебны на площади?! Там ведь будет освящение, а потом танцы! Как бы осквернение. Я это не воспринимаю. Но если вас смущает это, то определите место, где вы будете, чтобы там не было танцев. Но это призыв всего города, это проповедь. Я это так воспринимал. А он (новый священник. — Т.Л.) по-другому, и крестные ходы прекратились. Я думаю, что город очень много потерял. Тем более, там была старинная икона, чудотворная. Оригинал утерян. Там сохранилась традиция прохождения под иконой, там столько народа было. По улице люди бежали и падали под икону. Там теперь только крестный ход вокруг храма, а по городу — нет. А у нас был — большой квартал обходили. То есть церковно-гражданского праздника теперь нет» (Калужская обл., 2012).

Готовность священнослужителей к соучастию в праздничных мероприятиях окружающего мирского населения во многом зависит не только от оценки его формальной возможности, но и от степени их собственной глубины погружения в сакральность христианского учения, в ином восприятии святости праздника. Это касается не только явно светских мероприятий с включением церковного элемента, но и, например, таких народно-церковных традиций, как освящение яблок на Преображение, что всегда воспринимается учеными как свидетельство православного проникновения в мир народной культуры. Не уклоняясь от выполнения принятой в русской церкви обрядовой практики, священники, тем не менее, не всегда готовы принять логику народной трансформации праздника, видя в ней искажение содержания праздника, более того, утерю образа самого Христа. Приведу по этому поводу рассуждение приходского (монашествующего) священника из с. Яловка Брянской обл., который отмечает как высокий уровень религиозности населения села, так и некоторое своеобразие его проявления, а равно и религиозного мышления. «Освящение яблок на Преображение, которое преврати-

ло его в какой-то яблочный Спас. Но какое отношение имеют яблоки к Преображению Господнему? Никакого. Преображение произошло до страданий Христа. Но если бы мы праздновали его ранней весной, за 40 дней до Великой Пятницы, то праздник попадал бы на начало Великого поста. Чтобы этого не было, отсчитали эти 40 дней от другого праздника, связанного с крестными муками Христа — Крестовоздвижением. Сама дата праздника — это дата литургическая, а не историческая. Поскольку у нашей церкви Иерусалимский устав, а в Палестине к этому времени созревал виноград, то появился обычай освящения винограда. Почему его? „Аз есмъ виноградная лоза, а Вы ветви“. Виноград — это тот образ, который Христос применил к самому себе. На виноградном вине мы служим литургию. И освящают виноград в этот праздник. Еще это связано с ветхозаветным праздником начатков плодов. На Руси винограда не было, поэтому заменили яблоками. Люди не понимают, что это Преображение, что освящаем виноград как образ Христов, и что виноград заменили яблоками» (Красногорский р-н, 2012).

Неучастие священников в общегородском праздновании дней, совмещающих светскую и религиозную основу, происходит подчас из-за игнорирования или незнания местной администрацией религиозной составляющей праздника. По словам о. Андрея из Унечского р-на Брянской обл., «вот объявление в газете о Петре и Февронии. Я звоню: это праздник ведь церковный, а потом уже государственный. А никто из священников не присутствует, чтобы благословить, рассказать. Я сам поехал, они не против. В этом году буду поднимать этот вопрос на более высоком уровне. Почему проводите церковные праздники, а не согласовываете ни с благочинным, ни с церковью? Может быть, мы бы иконки вручили семьям, поздравили». О. Андрей относится к тем священникам, которые считают необходимым использовать все возможности для соучастия церкви в общественной жизни. «Меня позвали на Троицкое гуляние. Там что-то фольклорное, типа русские песни, я поехал. Ведь даже участие священника дает людям моральный стимул: раз батюшка приехал, значит мероприятие значимое. Людям приятно, их поздравили. А раза два не пойдешь, больше не позовут. Многое зависит от священника. Надо поддерживать традиции, которые уже существуют» (с. Нойтоповичи, 2013).

Наиболее распространенная форма соучастия церкви в общественных празднованиях в наше время — это присутствие духовенства на торжественной части праздника, а также освящение тех объектов, открытие которых послужило причиной праздничных мероприятий. В наиболее важные для города торжества может быть включен крестный ход (обычно без песнопений, по возможности отделяющийся от праздничного шествия). Один из ярких примеров — торжественное празднование Дня города в Сураже, которое в 2013 г. совместили с Днем урожая — празднованием областного значения. Брянская епархия по этому случаю подарила городу икону Божьей Матери «Спорительница хлебов», которая, после ее освящения и крестного хода, была передана в местный храм.

Современная ситуация не позволяет говорить о каких-либо тенденциях к объявлению православия государственной религией, но сближение светской власти и церкви очевидно в различных государственных актах, в том числе в появлении государственно-церковных праздников. Формально к таковым можно отнести День славянской письменности 24 мая, День Петра и Февронии — 8 июля, 28 июля — День Крещения Руси, 4 ноября — День народного единства (Казанская икона Божьей Матери). Выходным днем объявлено и Рождество Христово, что означает признание государством его значимости для народа. Особняком стоит главный праздник христианского календаря — Пасха, не внесенный в гражданский календарь, но фактически включенный в число дней, имеющих высокий статус с точки зрения не только церкви, но и государства. Как и многие другие православные праздники, не входящие в число государственно-церковных, но представляющие интерес с точки зрения возрождения народных традиций, а именно так трактуют свои задачи работники культуры, эти дни проводятся обычно по определенным сценариям, утвержденными светскими органами власти. Сценарии эти в большинстве случаев берутся из Интернета и корректируются на местах. Характер и степень соучастия церкви в них может существенно различаться, а равно различается и характер взаимодействия светских и духовных инстанций. Так, по словам о. Алексея из г. Людинова, «в отношении праздников у нас сложилось хорошо. С 2000 г. День славянской письменности и культуры, это первое общее. День народного

единства, Петра и Февронии — семья, любви и верности. То есть государственно-церковные праздники отмечаются совместно: приходы и власть. День города — обязательно принимаем участие: лития на площади Победы у поклонного креста. Молебен был о здравии жителей в храме с возглашением многолетия. Была попытка шествия на 9 Мая и 9 сентября — День освобождения города. Года два принимали участие в шествии приходом, но поняли, что это не наше. Это очень нетрадиционно. Напоминает демонстрации, хотя это шествие» (Калужская обл., 2012).

Наиболее распространенным, общепринятым можно считать празднование не только церковью, но и светскими структурами Рождества Христова. Каждая из сторон готовит свою программу и проводит мероприятия для разных категорий участников и зрителей, но в целом праздничные действия во многом являются собой результат живого активного взаимодействия светских и духовных структур. Основное внимание при этом уделяется детям. Как правило, храмы устраивают елки на Рождество для воскресных школ и детей прихожан, при этом предпринимают выезды со спектаклями и за пределы церкви. Размах мероприятия зависит от благосостояния храма, активности его руководителей и успешности взаимодействия с работниками культуры. В то же время и светские учреждения часто устраивают детям не только рождественский праздник, но и ставят с ними спектакли на темы, соответствующие праздничному дню. Например, при Казанском соборе г. Людинова «утренник для детей. Конкурс „Игрушка“ с участием прихожан. Седьмого елка для воскресной школы. И всегда утренник во Дворце культуры для всех детей, кто желает. В храме на елке подарки посыпьезнее, а там — по шоколадке. Елка церковная огромная. Наша церковная елка самая интересная. Взрослые приходят с детьми. Читают колядки, и им за это шоколадку или игрушку» (Калужская обл., 2012).

Вовлечение светских учреждений (детские сады, школы, дома детского творчества и др.) в празднование православных праздников безусловно влияет на религиозное самосознание детей, меняет само восприятие жизни и определяющих ее взаимосвязей. Сценарии постановок берут из Интернета, либо из специальных пособий⁹. Смысловым стержнем их можно

⁹ Никакой цензуры сценарии из Интернета не проходят, нам не встречался и какой-либо их анализ. В целом они отвечают задачам показать то добро, которое несет с собой каждый православный праздник. Однако иногда желание отринуть все, что

назвать такие понятия, как Христос, святые, добро, свет, любовь. Эти спектакли-сказки всегда вызывают в детях сильные эмоциональные отклики. По словам учительницы из с. Краснополье, «в 2010 году были объявлены конкурсы, посвященные Рождеству и Пасхе. Стихи частично из Интернета, сценарии немного переделали. Постановка „Святая ночь“ на Рождество. Просила благословение у батюшки на это. Делали колыбель, звезду, одежду в традициях православия, то есть девочке платье ниже колена, платочек. Мальчишкам типа чалмы, волхвы в длинных нарядах. Ирод в парче. Ангела с белыми крылышками. И так дети прониклись этим!» (Витебская обл., Россонский р-н, 2010).

Одним из интересных моментов организации детских праздников является позиция церкви в отношении ставших уже традиционными для Нового года персонажей — Деда Мороза и Снегурочки. По отношению к данным персонажам обозначены две точки зрения священнослужителей: первая — никаких языческих персонажей на рождественских елках и представлениях быть не может. Правда, каких-либо аргументов в пользу их языческого происхождения не приводится, достаточно того, что эти персонажи введены в советское время и олицетворяют природную стихию. Другие не видят в появлении любимых детьми героями угрозы для святости праздника. «*Дед Мороз и Снегурочка у нас приходят на Рождество к детям. Они уже давно потеряли свою языческую сущность, они как атрибут нового года праздника. В Европе Санта Клаус*» (о. Алексей, г. Людиново Калужской обл., 2012). Аналогичным образом относятся к данной проблеме и в Симферопольской епархии, усматривая в категоричном неприятии сказочных персонажей угрозу демонстративного отделения светского общества от праздничной культуры церкви. «*На архиерейской елке Дед Мороз присутствует, подарки раздает. Дед Мороз — это явление русской культуры, это из оперы. Никакого отношения к злому языческому божеству не имеет. Да и зачем лишать детей радости?!* Тогда надо все сказки отменить, Бабу Ягу вычеркнуть. Пушкина сжечь и

сидеть радоваться, что нас назовут мракобесами» (о. Александр, секретарь епархии. 2012). Сказочные персонажи появляются в сценариях детских спектаклей, причем здесь они весьма удачно включены в общий фон прославления Бога всей природой. Например, в уста Метелицы вкладываются следующие слова: «*Вспомним, какое поведал нам слово / Тот, чье спраляем теперь Рождество: / Каждый да будет всегда милосердным / К слабым, сиротам, убогим, больным! Доброе дело — великое счастье, / Это святое души торжество*¹⁰».

При общих тенденциях к сближению в праздничной культуре светского и духовного начала, что характерно в настоящее время для всех восточных славян, можно отметить некоторые нюансы, свидетельствующие, по-видимому, и об отличиях векторах ориентации в развитии народно-церковной культуры. Так, на всей Украине новым явлением стало расширенное содержание дня Николая чудотворца. Глубокое почитание его как «скорого помощника» во всех скорбях свойственно всем православным. Опираясь на эту характеристику образа святого, на Украине в этот день развертывается широкая благотворительность, касающаяся в основном, детей-сирот. И в данном случае также задействованы и светские, и церковные возможности. Так, по словам заведующего отделом культуры г. Новгород-Северский, их сотрудники в день свт. Николая (19 декабря) с мешками подарков выезжают в Детские дома, где устраивают детям небольшой праздник. Аналогичная ситуация характерна и для Крыма. Здесь основная инициатива в благотворительных акциях принадлежит церкви. Воскресные школы со спектаклями, посвященными Николаю чудотворцу, и подарками выезжают в подшефные детские учреждения. Церковь официально не позиционирует этого святого как персонаж, принимающий функции Деда Мороза, но в реальности на местах священники уже воспринимают его именно так. Священник из с. Насыпное ничего не имеет против участия в рождественских праздниках сказочных зимних персонажей, причина чему — его видение реального содержания образа Деда Мороза. «*На свт. Николая подарки*

изгоняло веру из жизни народа, приводит к некорректным замечаниям, вряд ли способствующим воспитанию толерантности в обществе и уважению к тем, кто защищал страну в Великую Отечественную войну. Например, в сценарии детского утренника, посвященного празднику Пресвятой Троицы, в честь окончания первого класса православной школы, предлагаются следующие стихи: «Звездой восьмиконечной Христос — Младенец встречен был, пятиконечные же, знайте, они антихристовы знаки». http://romanov-ugtp.ru/detki/gaznoe/scenki/precvatai_troica.htm

¹⁰ Морозко: Рождественский спектакль (по мотивам русской народной сказки) / Архиерейская елка 2003. Издание Симферопольской и Крымской епархии, 2007. С. 9.

19 декабря. Я тоже закупаю иконочки, календарики, раздаю в школе. Мы это должны сами организовывать, договариваться с учительями, с директором. Они идут навстречу. Рассказываю детям. (Свт. Николай в роли Деда Мороза?) Да. Советская власть повлияла. Перепутала даты. Здесь, конечно, почитается Дедушка Мороз. Дети, да и взрослые только начинают понимать, что Дед Мороз — это и есть святой Николай. На новогодних елках в школах, Детских садах — Дед Мороз и Снегурочка. Считаю, что его можно и на Рождественскую елку. Но я говорю, что подразумеваем мы все-таки свт. Николая. У меня такая мысль. Но Дед Мороз — это что-то доброе, что для детей очень важно, свято верят в него. Дед Мороз — это сказка. Пусть верят в него»¹¹ (Феодосийский р-н, 2012).

Приданье нового звучания празднованию дня свт. Николая в Крыму происходит на фоне все взрастающего почитания Николая II и царской семьи, инициатива которого исходит от Церкви и верующей общественности, что находит понимание у местных светских властей. Это почитание, особенно в центре епархии и городах, связанных с пребыванием царской семьи, нельзя не заметить. Различные мероприятия, в том числе крестные ходы, посвященные царской семье, особые праздники¹², буклеты и иконки в церковных лавках, лики на стенах храмов — все это не только отражает, но и формирует определенное общественное мнение. Глаз привыкает к тому, что царский лик входит в сонм икон особо почитаемых святых, чему может способствовать и особое расположение икон в храме. Так, в Никольской церкви с. Мазанка параллельное заверше-

Икона царской семьи в Петропавловском соборе г. Симферополя. 2012 г.

¹¹ В России, насколько нам известно, пока празднование Николиного дня, как и сам образ святого, остаются в русле традиционной культуры. Однако в сценариях спектаклей, размещенных в Интернете, уже появляются попытки подправить образ зимнего сказочного персонажа, придав ему рождественское звучание и совместив со всеми почитаемым Николаем чудотворцем. Так, в пьесе «Рождественский дед», написанной «по мотивам» русской народной сказки «Морозко», поясняется, что главный персонаж — «Николай угодник, а на Руси его зовут Рождественским дедом». tigrman.narod.ru/detki/raznoe/scenki/rogdeshenskiy_ded.htm. Российские священнослужители, с которыми мы беседовали, не склонны что-то изменять в образе Николая чудотворца. «У нас не было. И зачем? Это будет уже новое введение» (о. Алексей, г. Людиново Калужской обл., 2012).

¹² Например, по инициативе Симферопольской епархии проходит День цветов — праздник, связанный с царской семьей. Возрождаются те традиции, которые были заложены царской семьей.

Иконы Николая чудотворного и Николая II в иконостасе Никольского храма с. Мазанка
Симферопольского р-на. 2012 г.

ние местного ряда иконостаса: с одной стороны — свт. Николай Чудотворец, с другой — святой царь Николай II, создает ощущение равного их покровительства православному миру и, конкретно, — данному селу (Симферопольский р-н, 2012). Почитание св. Николая II в Крыму, которое мы отмечали еще в 2012 г. — это дополнительное проявление связи с Россией, с единой Церковью, возглавляемой Московским Патриархатом.

Распространение почитания царственных мучеников — скорее все-таки прерогатива Церкви, и только как локальные варианты можно отметить соучастие в этом светских структур. Примеры тому мы находим в Могилевской обл., тесно связанной с последним периодом жизни императора. Так, в г. Костюковичи были организованы две выставки: «Императрица Мария Федоровна. Величие судьбы» и ее продолжение — «Император Николай II. Долг царского служения». Эти выставки разрабатывала, по словам директора музея, «сотрудница, у которой особое отношение к этому, она пропустила через свою душу. Это все не случайно. Отсюда его увозили в 1918 г. Это все наша история — Могилевского края». Мы обратили внимание на данный сюжет, поскольку в Белоруссии далеко не везде ощущается включение Николая II и его семьи в сонм святых мучеников, тем более отсутствует таковое на Украине.

Формирование как государственно-церковных, как и общественно-религиозных праздников имеет разную основу. Например, Пасха и Рождество — основные православные праздники, прочно сохранившиеся, особенно Пасха, в народной традиции. Государство лишь, идя навстречу запросам общества, дало распоряжение светским структурам включить эти праздники в план своих мероприятий в соответствии с концепцией «возрождения народных традиций». Насколько активным и удачным оказывается при этом взаимодействие церкви и светских организаций, насколько различные массовые внехрамовые мероприятия проникнуты ощущением божественной благодати этих святых дней, зависит, как правило, от религиозных настроений организаторов и исполнителей, от их готовности включить в круг «народных традиций» глубокую христианскую сакральность праздников. Правда, оговорим, деятельность работников культуры и образования, то есть именно тех лиц, которые конкретно проводят в жизнь политику сближения общества и церкви, находится под постоянным контролем. Их содействие проникновению Церкви, а, следовательно, и православной религиозности в жизнь общества ограничено светской цензурой. Именно поэтому, как нам кажется, приглушенно звучит роль одной из самых значимых и глубоко почитаемых икон —

Казанской Божьей Матери в декларировании Дня согласия и единства 4 ноября. Не существует традиции храмового и внехрамового празднования этого дня в его соединенном варианте, что характерно для празднования Рождества Христова, а создать новую традицию, соединив религиозный и исторический смысл праздника, мешает опасность быть обвиненными в усилении религиозной составляющей в государственной политике и в явном декларировании приоритета одной религии.

Постепенно популярность приобретает празднование Дня славянской письменности, которое также проводят совместно церковь и работники культуры при явном приоритете церкви. Его масштабность зависит, конечно, от инициатив обеих структур, далеко не везде его могут сделать массовым, вынести на пространство города и дать ощущение «торжества православия», как, например, в г. Людиново. В организации мероприятия здесь вполне корректно церковная часть отделяется от светской, создавая в результате единый праздничный комплекс. По словам местного батюшки, *«в День славянской письменности и культуры мы выходим крестным ходом на площадь, устанавливаем огромную икону, служим молебен, поздравляем горожан. Управление культуры готовит концерт. Но это не на одной площадке. Мы молебен у фонтана, на эстраде концерт, но это уже после нас. Но День славянской письменности без нас уже не представляют»* (Брянская обл., 2012). Органично включен светский элемент в церковное празднование в г. Смоленске, где после литургии идет крестный ход (около 1000 человек) по ул. Кирилла и Мефодия, в нем участвуют и представители администрации и, главное, большое количество школьников — приблизительно 80 % участников. Завершает праздник концерт патриотического характера, организованный силами Смоленского Института искусств. Успешность включения общества в церковные праздники в Смоленске во многом определяется высоким статусом церкви в глазах жителей и светских властей. День славянской письменности — не единственный пример такого рода. Например, далеко за рамки чисто церковного торжества выходит празднование покровительницы города и Смоленской земли иконы Божьей Матери Одигитрии (10 августа н. с.). Вечером 9 августа после Всенощного бдения на холме, где возвышается кафедральный Успенский собор, происходит представление по акафисту данной иконе. При этом *«ежегодно берут какой-то кусок из акафиста. Например, полчища Хана*

Батыя подошли, и мученик Меркурий по благоволению Божьей Матери защитил город. Смоляне все знают об этой иконе, все поднимаются к ней в соборе, но не все знают историю» (о. Серафим, секретарь епархии. 2013).

Новым явлением праздничной культуры последнего десятилетия стало объявление дня святых Петра и Февронии Днем семьи, любви и верности. Этот день остался рабочим, но приобрел общегосударственное значение и вошел в перечень праздников, организацией которых надлежит заниматься светским организациям. Поскольку в народной культуре не было обычая коллективного празднования этого дня, т. е. не было речи о «возрождении традиции» с использованием существовавшей практики, светским инстанциям пришлось идти по пути «изобретения традиций». Чаще всего Отделы культуры, не особенно мудрствуя, используют уже устоявшийся сценарий Дня семьи, не понимания, для чего нужен еще один день со схожей тематикой. Наиболее удачный вариант празднования получается там, где сохранена религиозная основа праздника, для чего, в первую очередь, необходимо участие церкви. Так происходит в уже знакомом нам г. Людинове, где постоянно сказывается инициативное начало Церкви и духовенства. По словам о. Алексея, *«в этом году (2011) на Петра и Февронию был крестный ход, служил молебен у креста, а дальше шли супружеские пары, поздравления, концерт на площади. Наше участие — огромный транспарант — икона Петра и Февронии. В этом году шли пары с детьми, а до этого только вступившие в брак. Они идут от ЗАГСа, а мы от церкви. Молебен служили, окропление водой»* (Калужская обл.). Как инициативу «снизу», связанную со значением праздника, можно отметить все увеличивающееся число молодых пар, желающих зарегистрировать свой брак именно в этот день. Так, по словам жителей г. Рославля, *«молодые стараются в этот день расписаться. Расписывали всех желающих, и их благословляли пары, которые уже долго прожили, заслуженные матери. И батюшка благословлял всех на площади перед ЗАГСом. Было где-то около 20 пар. Это уже два года. Прямо на площади регистрировали. Но документы брали заранее и оформляли, а здесь выдали и, главное, благословляли. Было очень красиво: бело от невест, черно от женихов»* (Смоленская обл., 2013). Символика праздника — крепость брачных уз, супружеская верность и любовь могли бы привести к широкому распространению традиции заключения

браков в этот день. Это тем более вероятно, что включение сакральных элементов в ритуал бракосочетания очень популярно среди молодежи. Но препятствием к превращению регистрации брака в светско-православный праздник с торжественным благословением церкви становятся ограничения церковного календаря: день Петра и Февронии приходится на Петровский пост. Правда, нам уже не раз приходилось слышать о том, что «в синоде решили, что нужен еще один день, и нашли 15 сентября, это перенесение мощей. Тогда и церковь сможет участвовать» (пгт. Ершичи Смоленской обл., 2013).

Иначе выглядит, а, следовательно, и воздействует на участников, праздник там, где церковная часть не просто полностью отделена от светской, но где организаторы не видят смысла соотнести религиозную идею праздника — священность брачных уз с необходимостью укреплять вновь создаваемые семьи. Так, работники культуры г. Клинцы следующим образом охарактеризовали нам свое видение этого дня: «Петр и Феврония — сейчас его празднуют, потому что нас обязали. Лет 6 назад пришла разнорядка. Мы как Отдел культуры быстренько под козырек и сказали: „Будем праздновать“. И теперь он уже традиционно каждый год проходит 8 июля. Но это сложно, хотя мы привыкли к сложностям. Но всегда новое трудно, тем более что июль — отпускная кампания.

Сложно и для тех, кто должен делать, и для тех, кто должен видеть. И нет, ну.. как бы сказать, нет объяснения этому празднику: ну почему?! Ну сказала Феврония: женившись на мне, так вылечу тебя. То есть как-то это... Это праздник для женщин. Он послушался ее и получается, что вроде как в кабале. (Он как День семьи?) Да, конечно. Награждаем пары. Может быть, когда-нибудь привыкнут, что это есть, начнут праздновать более широко, более масштабно. (Церковь принимает участие?) Может быть, какая-нибудь служба идет. Но мы без них. Если бы это не было давление сверху, если бы это было у людей, тем более это церковный праздник, церковь бы выступила инициатором этого праздника. Не просто в церкви служба, а чтобы праздновалась как Пасха. А если это сверху, то все очень зажато и делается не с таким энтузиазмом, не с таким интересом. Контигент приходит разный. Мы проводим в парке, потом на площади. Самодеятельность участвует. Церковь приглашаем» (Брянская обл., 2012).

Скромное празднество без участия церкви проходит и в селах: «Есть список праздников, Петр и Феврония входит. Но мы широко не проводили. В библиотеке выставка. (Будет пользоваться популярностью?) Думаю, да. Например, Дня матери раньше не было, а с каждым годом все больше. Но это мы (работ-

ники культуры. — Т.Л.) знаем, что это Петр и Феврония, но считается День семьи, любви и верности» (с. Курковичи Стародубского р-на Брянской обл. 2011).

Нам думается, что массовость и популярность Дня Петра и Февронии со временем будет возрастать. Но войдет ли он в число праздников, которые отмечают, не откликаясь лишь на усилия Домов культуры? Этот день никак не связан ни с сельскохозяйственным календарем, ни с праздничными традициями, идущими еще с дохристианских времен и влившимися затем в календарь православный. Нельзя отнести его и к тем дням христианского месяцеслова, которые стали, как показало время, неотъемлемой частью народной культуры. Главная значимость истории Петра и Февронии в том, что это не просто сюжет из русской истории, а одно из проявлений ее духовно-нравственной глубины.

Иным путем шло вхождение Дня Петра и Февронии в праздничный календарь православных Крыма. Распоряжение о праздновании 8 июля «Дня семьи, любви и согласия» Российское правительство издало в 2008 г. В 2009 г. его первый раз праздновали в Крыму, причем инициатива, и сама организация праздника принадлежали епархии. В 2010 г. Симферопольская епархия вместе с правительством Крыма обратились к правительству Украины с просьбой узаконить празднование этого дня, указывая на его значение для престижа семьи и уважения семейных ценностей. В 2011 г. он первый раз отмечался и на остальной Украине. Как вспоминает секретарь епархии, «сначала именно епархия с приходами проводила этот праздник. Лет 5 очень активно на базе Петропавловского собора. Особенно масштабно в Симферополе. В других местах года два назад. Указом президента День семьи как раз на 8 июля, но это рабочий день. Теперь и ДК должны что-то делать. Этот указ дает возможность церкви выступать как методический центр. Привлекали к проведению праздника Министерство образования и науки, молодежи и спорта Республики Крым» (Симферополь, 2012). Празднование этого дня в Крыму и сейчас отличается высоким духовным содержанием, разнообразием включенных в него религиозных элементов: «За Судаком храм Иоанна Кронштадтского, там есть большая икона с мощами Петра и Февронии, и владыка благословил каждый год крестный ход с этой иконой. В прошлом году восточная часть Крыма, в этом — западная. Это где-то с неделя везут эту икону по храмам. В селе пока не празднуют. В этом году первый раз был

концерт, организовало благочиние, как день семьи. Мы литургию и молебен» (Феодосийское благочиние, 2012).

До некоторой степени праздник Петра и Февронии как утверждение семейной любви призван противостоять Дню св. Валентина, пришедшего с Запада и получившего широкую популярность в восточнославянском мире. Отношение Церкви к нему в целом отрицательное, светские же структуры, прежде всего работники культуры и образования, считают его уже элементом современной традиции, с которой нет смысла бороться. Хотя и не повсеместно, но его включают в план культурных мероприятий. «Делаем св. Валентина, но не массово. Но он есть, мы от этого не уйдем никуда. Молодежь привыкла. По школам вроде нет» (пгт Красная гора Брянской обл., 2012); «День св. Валентина — конечно, молодежь, все красиво. Молодежь и женатая, и нет. У какой-то пары ребенок родился, кто-то год уже живет. У кого день рождения, у кого-то пара образовалась» (пос. Мирный Гордеевского р-на Брянской обл., 2012). Как мы видим, сценарий проведения и в целом направленность официального празднования дня св. Валентина схожи со сценарием светского празднования святых Петра и Февронии, но западный вариант начисто лишен какой-либо религиозной подоплеки. Как правило, день св. Валентина не входит в утвержденную сетку школьных праздников. Однако в некоторых школах его празднуют именно как день взаимной любви, не имея в виду какую-либо нравственную дидактику. Приведу вариант из школы пос. Мирный. Особенность этого поселка в том, что он был создан в 1956 г., его первыми жителями были молодые люди из разных мест, вследствие чего здесь отсутствовали устоявшиеся традиции местной, основанной на православии, культуры, здесь никогда не было церкви.

«День св. Валентина — это общешкольное мероприятие — День влюбленных. У нас в последние годы проходит мероприятие „Любовь с первого взгляда“. Берется несколько пар — мальчик и девочка, проходят конкурсы — какая пара выиграет. И концерт. Это с 8 по 11 классы. Где мы знаем, какие пары сформировались, и они согласились поучаствовать. Это общешкольное мероприятие, а потом по классам. В классный час в понедельник учитель рассказывает, что это за праздник, а в пятницу вечер (то есть не точно день в день. — Т.Л.). Этот праздник не включен в план, но это как бы уже традиционное мероприятие. Называем его по календарю

„День св. Валентина“. Я веду английский, у нас есть предметная неделя, где мы эти праздники освещаем. На уроках английского языка готовим „Валентинки“, по-английски подписываем. Делаем выставку». Понятно, что популярность праздника обеспечивается основным контингентом участников, наиболее мобильной и склонной к игровой деятельности группы, тем более что праздник посвящен темам, которые наиболее интересуют молодежь этого возраста. Очевидно, что наибольший шанс войти в традицию имеют те праздники, к которым привыкают с малолетства. При этом история Петра и Февронии даже не входит в курс ознакомления со своей культурой.

В целом можно сказать, что во внехрамовой практике проведения возрожденных праздников православного календаря основное место занимает развлекательная часть с включением игровых и обрядовых элементов, в большей или меньшей степени соответствующих местной традиции. Иногда трудно соединить светскую и церковную часть в силу сложности самого праздника. Так, в юго-западной части Калужской обл. празднование одного из самых любимых народом и сложных для религиозного понимания праздников Троица уже привычно собирает массу народа на площади, где стараниями работников культуры устраиваются различные игровые действия вокруг березки. Церковь в данном мероприятии не принимает никакого участия, ее празднование ограничивается службой в украшенном зеленью храме. Иногда, правда, начало гуляния предваряет выступление священника, поздравляющего мирян и пытающегося хотя бы коротко обратить их внимание на православную мистику святого дня, что носит, скорее, формальный характер. Не встречалось нам и сценариев, включающих православную концепцию этого праздника.

Одной из задач наших полевых исследований было выяснение общественного мнения (и светских, и духовных лиц) относительно возможности и целесообразности наделения определенных праздников и православных святых статусом покровителей русского народа, олицетворяющих его идентичность. Эти исследования только начались и будут продолжены в дальнейшем. Сейчас же мы можем привести некоторые предварительные выводы и соображения. В целом, миряне, т. е. все население вне зависимости от уровня его воцерковленности, в качестве главного религиозного праздника всего русского народа, называют чаще всего Пасху. Добавим, что значение объединяющего символа нации имеет и светский

по происхождению, но приобретший постепенно сакрализованный оттенок день 9 Мая, тем более, что Церковь включила его в свой календарь как день поминания усопших воинов. Праздничное почитание Пасхи в народе неоспоримо, причем с признанием приоритетности именно его церковного, мистического содержания. По этому поводу приведу характеристику народного восприятия праздника, сделанную священником из Крыма. «*На Пасху много приходят освящать. Главное для них — постоять ночь, пусть на площади, приобщиться хоть так. Это состояние души. Они считают, что сделали величайшее дело. После освятили и пошли разговаривать»* (с. Насыпное Феодосийского р-на, 2012). Даже работники культуры признают, что праздничные мероприятия на Пасхальное воскресенье не пользуются популярностью, поскольку не соответствуют чувству всеобщей тихой радости и умиротворения. По их словам, «*на Пасху пытались гуляние — с конкурсом яичек, именно в воскресенье, но людей приходит мало. И на Рождество на концерт — полный зал, а на Пасху — мало»* (г. Рудня Смоленской обл., 2013).

Но тот же фактор — глубокий мистический смысл Великого дня христианского календаря — заставляет некоторых духовных лиц сомневаться в возможности соотнесения его с национальной объединяющей идеей, их пугает опасность обмирщения, профанации святого наполнения этого дня. Приведу рассуждения молодой матушки из г. Кирова, достаточно демократичной в поведении, но, тем не менее, признающей резкую грань между мирским населением и сообществом людей воцерковленных. «*(Объединяющая роль православия? Можно ли выделить какие-либо праздники, святых как общие?) Я думаю, что только православие может быть объединяющим. Как общий праздник всех русских я думаю, что Пасха — не очень, а можно День славянской письменности, может быть и Петра и Февронии. В народе его не было. Вот теперь и надо, чтобы был. Вместе делают государство и церковь, вот и объединяются. Ведь все со временем. Петр и Феврония может быть и общегородским и общегосударственным. Или День славянской письменности. Вот они могут быть общегородскими. А Пасха и Рождество ... ну... максимум, какие-то фестивали в ДК. (Троица?) Это уже традиция. Ее во всех городах проводят. Но празднуют не так, как в православии. Что-то пытаются, батюшку приглашают. Но православные на этот праздник не ходят. Не ходят, чтобы*

с этого концерта что-то прочувствовать. (Почему не пойдут?) Так как там изначально все неправильно. С утра уже концерт, а у нас с утра служба. (А если бы попозже?) А это уже другой вопрос. Вечером — пожалуйста. И не было бы выпивки. Еда, вода — это будет добрый хороший праздник. (Но ведь батюшка выступает?) Да, ему надо... даже тех, кто там, а не в храме, вразумлять. Он говорит слово, говорит о празднике в православном его понимании. (Понимают, что такое Троица?) Он пытается объяснить. А насколько люди слышат, я не знаю. Это надо у людей спрашивать, а они не хотят и на контакт идти» (Калужская обл., 2012).

Изучение отдельных православных праздников и почитаемых святых как возможных символов интеграции русских и в целом восточнославянских православных народов показывает, что по-прежнему самым любимым и самым «востребованным» в кругу тех святых сил, к которым привык обращаться русский человек, остается Пресвятая Богородица. Именно ее единство во множестве чудотворных образов, каждый из которых связан с историей конкретных мест и в целом историей России, позволяет уже в течение веков воспринимать Богородицу как единую покровительницу страны и каждого ее православного жителя. Судя по опросам, людям импонирует соотнесение Богородицы с государственной идеей России, хотя сами по себе размышления о

необходимости привнесения духовного элемента в понятие «Российского государства» не занимают существенного места в массовом сознании. Лиц духовных в этой идее пугает опасность профанации святого образа, для некоторых из них очевидна невозможность совмещения светского, в данном случае политического, и религиозного подхода к миру святости. Причем один из главных аргументов — невозможность считать людей невоцерковленных действительно православными. «Что касается Богородицы как покровительницы России, насколько я знаю, у нас уже есть покровитель — Георгий Победоносец, на гербе. Я не знаю, причем тут Богородица. И не надо ничего придумывать про Богородицу. Ну да, четвертый удел Богородицы — это было. Это все хорошие слова, но... (По многочисленности икон объединяла русских?) Это не на государственном уровне. Это если смотреть с православной точки зрения — сколько людей к ней обращается, но не на государственном уровне. (Но ведь было на государственном?) Сейчас этого не может быть. Уже не получится. Это проблема патриотизма, а не духовного, не веры. Мы хотим, чтобы как-то через веру зауважали страну, этого не надо делать. (Не только страну, а русских?) Ну, православие как объединение, а сколько у нас русских православных? Только ведь называют себя. Они и мусульманские, и католические праздники отмечают. Таких много, начиная

с телевидения. (Считаете, что можно отдельить воспитание патриотизма от осознания того, что православный?) Не знаю. Я не против того, чтобы Божья Мать была связующим звеном, но будет ли это единственным для тех, кто не воцерковлен, я боюсь. Нельзя церковные святыни сделать символом государства, чтобы Божья Мать была символом. (А до революции?) Она была церковной святыней, когда все были верующими. И раньше были цари, а теперь президент» (г. Киров Калужской обл., 2012).

С точки зрения других представителей духовенства включение религиозного элемента, в том числе почитания Богородицы, в государственную идею не лишено смысла и имеет основание в современной религиозности. «Можно ли почитание Богородицы выдвинуть как общую идею? Россия — Дом Пресвятой Богородицы со средних веков. Эта идея висит в воздухе, ее надо подхватить и конкретизировать. Будет ли эта общероссийская — как День народного единства. Это удачное сочетание праздника. Я думаю, он должен прижиться, так как он может объединить. Народ еще не понимает, какое единение. Но это чисто политическая установка — то, что выпячивается по ТВ, а народ празднует Казанскую. И с тех пор, как его сделали праздником, народу в храме стало намного больше. В этом году опять планируем большой крестный ход по городу, чтобы это действительно день народного единства. Но ведь надо учитывать, что для Калуги — Калужская икона. Хотя удивляюсь, почему Калужская икона не стала там общегородским праздником. У нас есть Людиновская Калужская икона» (о. Алексей. г. Людиново, 2012).

Примером придания православной святой — Ефросинье Полоцкой статуса покровительницы народа и государства можно считать Белоруссию. Эта идея особенно активно воплощается в жизнь на северо-востоке страны в Витебской обл., прежде всего через школы и прессу. В 2010 г., по словам заведующего отделом по делам религии, в рамках 100-летнего перенесения мощей был разработан большой план. «В него входил во всех школах конкурс сочинений о Ефросинье Полоцкой, Витебская и Полоцкая епархия выпускают методические материалы с учетом Ефросиньи Полоцкой. Были такие интересные вещи, авторские разработки детей. И по Белоруссии по епархиям был организован провоз креста Ефросиньи Полоцкой» (Витебск, 2010).

Обычным стало уже соучастие церкви в торжествах на 9 Мая. Это не только поминальная служба в храме, но и вынесение церковного служения на пространство города. «9 Мая столько людей, вся площадь заполнена. Мы накануне праздника ездим по братским могилам, служим литии. Кресты у нас на братских могилах, но не на всех. На 9 Мая трапеза для ветеранов-прихожан, тружеников тыла» (г. Людиново Калужской обл., 2012). Обязательным, хотя и в разных вариантах, стало участие церкви в проводах в армию. Приведу один из таких вариантов, организацией которых занимается Отдел по делам молодежи г. Клинцы: «Два раза в год устраиваем проводы в армию. Это всегда очень торжественно. Мы забираем ребят из военкомата, ведем их в краеведческий музей, говорим о городе, о Великой Отечественной войне, затем ведем их в церковь, там служба, чтобы они служили хорошо. Священник говорит, чтобы писали, чтобы слушали командиров. Говорят проповедь. Затем дарят по иконке Георгия Победоносца, всех благословляет. Затем торжественная часть продолжается в центре культуры и досуга» (Брянская обл., 2012).

Сближение Церкви и армии реализуется в разных вариантах городских праздников, причем инициатива обычно идет с обеих сторон. Так, в г. Людиново, где исторически Ильин день был первым престольным праздником города, уже несколько лет совершается крестный ход с участием десантников, считающих пророка Илью своим небесным покровителем: «Заканчивается литургия, приходят десантники, просто воины запаса, берут икону, и идем вместе крестным ходом по городу. Служим молебен. Крестный ход где-то км два-три. И прихожане идут. Потом у десантников своя программа — концерт» (Калужская обл., 2012).

Разные формы принимает и соучастие церкви в общественном движении по розыску и перезахоронению останков воинов, погибших во время Великой Отечественной войны. Так, в г. Унечи найденные останки приносятся в музей, где перед 9 мая совершается поминальная служба и отдаются воинские почести безымянным героям войны. Поминальные службы сопровождают захоронения воинов практически повсеместно, где проводятся подобные работы. И включение в ритуал церковной составляющей воспринимается как единственно правильное оформление скорбного ритуала. По словам сотрудника администрации г. Рудня, «у нас захоронено шесть минеров — героев Советского Союза. Это такое един-

ственное место в России. Так землю привозили с родины каждого из них. Вечером шли со свечами и лития у братской могилы 22 июня. Еще 19 погибших подняли поисковики, будет областная вахта памяти, будет отпевание. Это нормально воспринимается, по христианскому обычаяу. Найденные останки обязательно сначала отпевают, потом хоронят» (Смоленская обл., 2013).

Мы говорили об участии церкви в светской жизни общества. Но все значительнее становятся церковные инициативы, приуроченные к православным праздникам, но обращенные к мирской жизни. Конечно, в данном случае, как, впрочем, и во всех контактах общества и церкви, активность последней всегда находится в рамках, утвержденных светскими структурами власти. Прежде всего это связано с широкой сетью благотворительности, рассмотрение которой, в силу ее обширности, не предусмотрено в данной статье. Отдельные акции приурочиваются к соответствующим праздничным дням. Например, в Симферопольской епархии уже несколько лет проводится благотворительная акция на «День жен мироносиц». Все собранные деньги идут онкологическим больным, обычно женщинам (Симферополь, 2012). Активно за пределы храма выходит церковь и на Татьянин день. Это один из самых оживленных дней взаимодействия духовных и светских лиц. В школы и институты Крыма приходят для проведения бесед и диспутов священники и семинаристы. Студенты семинарии объединяются для празднования со студентами медиками, считающими своим покровителем великого врача и церковного деятеля святителя Луку (Там же, 2012).

Конечно, выход церкви на пространство светской жизни, ее включенность в мероприятия праздничного характера, основным участником которых является общество, длительное время изолированное от церкви и веры, проходил постепенно и требовал от священнослужителей известной разумности поведения. Как вспоминает о. Алексей из г. Людинова, «у нас первые молебны были не больше 10 минут, это же необычно. По первости было: “поп лезет куда-то, на трибуну!”. Ну, приходилось и где-то напрашиваться. А теперь это воспринимается вполне естественно. С отделом культуры вместе. Например, сейчас делаем вместе книгу о людиновских подпольщиках: издает московская патриархия, а город дает деньги» (Калужская обл., 2012). Вообще, православным этнографам часто хочется видеть более активный «выход» Церкви в мирское общество с традици-

онными религиозными практиками, что должно послужить возврату к регулярной приходской жизни с ее православными праздниками и обрядами. В каждом приходе эта проблема решается по-своему, в зависимости и от миссионерской активности священнослужителя, и от религиозности прихода и даже от размеров поселения (село, маленький город, областной центр). Кроме того, далеко не каждый священник готов расширить поле своей деятельности, не ограничивать ее только окормлением узкого круга прихожан. Понимание важности миссионерской деятельности и умение вступать в контакт с населением — таковы важнейшие условия постепенного оцерковления общества, включения его в пространство веры и церкви. К служителям — подвижникам на ниве православного просвещения общества относится упоминавшийся выше о. Алексий. Всеобщее уважение горожан за свою подвижническую деятельность заслужил и о. Владимир (Фараон) из небольшого брянского города Сураж. По словам заведующей музеем при местной гостинице Л. Т. Соколовой, «с его приходом церковь сблизилась с обществом. Туда просто паломничества. Много желающих ему помочь, цветы посадить. Привлекает и его постоянное желание посещать мероприятия: он и в колледже, и в лицее, и на День Матери. Он и прост в обращении. Он привлек паству. Именно ему удалось стать своим в каждом доме. А это значит, что почти каждый четвертый дом освящен. Суражане, которые очень не хотят, чтобы нарушили их право жилища, чтобы к ним входили, его зовут и ждут. И директор наш освятил гостиницу. Все похоронные обряды проводит, никого не подвел, никогда не опоздал. Он — личность, он — один из тех, перед кем преклоняются. Он ввел крестные ходы. Первый крестный ход с Новодворской иконой, вроде на зимние каникулы. Он ввел крестный ход на Казанскую (4 ноября), такой мощный крестный ход. Шло человек 800, в дождь. И только подошли к церкви, засияло солнце. И так и сияло. Для народа это огромный плюс отцу Фараону. Он выполняет здесь очень большую работу. Он помогает воспитывать. Есть легенда, что у него парашют не раскрылся, и он обещал, что пойдет служить. Но это людям хочется. Он и фонтан в городе освящал. И делает все с удовольствием, он любит людей. Нет такого, кто не знал бы его и кого не знал бы он. И старается украсить церковь, ему все рушники несут и цветы исключительные» (2013).

Но иногда доводы приходских священников показывают, что их нежелание выходить в мир — результат вполне логичных рассуждений, основанных на опыте приходской жизни. По этому поводу приведу аргументацию священника из с. Яловка: «*На Рождество обходов по домам не делаю (хотя село религиозное с устоями церковной жизни. — Т.Л.). Я думаю, что предпочтительнее, если люди сами приходят в храм. Тут есть грань: если уж начинаешь слишком многоходить, а зачем им в храм?! „К нам и так придут“. Есть такая педагогическая черта*» (Красногорский р-н Брянской обл., 2012).

В праздничном служении церкви происходят и нововведения, которые можно рассматривать как отклик на реалии современной жизни и одновременно как понимание необходимости учить желания и возможности прихожан. Так, даже в церковных кругах неоднозначна оценка успешности введения традиции литургии в новогоднюю ночь (под 1 января н. с.). По данным А.И. Юренко, данная традиция укрепляется и охватывает все большее число храмов¹³. Однако в Калужской епархии новый церковный обычай не имел успеха. Это связано, прежде всего, с теми нестроениями, которые он вносил не только в общество, но и в отдельные семьи, поскольку нарушал устоявшийся уже порядок празднования любимого в народе Нового года. «*Когда было тысячелетие, пробовали ввести новую традицию: служить ночью литургию на Новый год 1 января ровно с полуночи. Новое тысячелетие начиналось с возгласа „Благословлено Царство“. Это владыка распорядился. Но кто-то эту традицию воспринял, кто-то нет. Но сейчас отошла*» (о. Алексей, г. Людиново Калужской обл., 2012). Аналогичная ситуация сложилась и в Жиздринском благочинии: «*мы еще несколько лет пробовали, но не прижилось*» (о. Михаил, благочинный, 2012). По мнению обоих батюшек, основная причина неудачи с популяризацией нового обычая — «*прихожане разрываются: родные ждут*». Разумность, уважение к возможностям прихожан проявляют батюшки и в отношении проведения новогоднего дня. Проявленная забота, безусловно, усиливает восприятие церкви прихожанами как любящего их дома, «*Я говорю: не разрывайтесь: если у нас под воскресенье, у нас служба в свое время, но ради прихожан начинаю на час (под Новый год. — Т.Л.) раньше, чтобы не в 8 часов,*

а в 7 часов вечера закончить. И литургию (1-го января — Т.Л.) на час позже начнем, в 9 часов, но не позже. Всегда нужен разумный компромисс» (о. Алексей, г. Людиново, 2012).

Активный приход церкви не только в общественную жизнь, но и включение ее в деятельность государственных учреждений стало явлением повсеместным. Храмы появляются в военных частях, милиции, МЧС, в тюрьмах. На последнем варианте мы бы хотели остановиться чуть подробнее. Никто не сомневается в уместности и необходимости соучастия церкви в духовном окормлении людей, для которых грех является или хотя бы стал в какой-то момент нормой жизни, и которые вследствие этого изолированы государством в особое сообщество изгоев. Приведу некоторые выдержки из беседы с о. Виктором, который уже не один год окормляет исправительную колонию в г. Россоши Воронежской обл. Из беседы с ним очевидными становятся и специфика духовного служения в столь неординарном месте, и пути, которыми священник пытается обратить своих подопечных к добру. В зоне находятся преступники разных категорий: «*и убийцы, и насильники, и те, кто мешок пшеницы украл*». В большинстве это молодые люди, никогда не имевшие дела с церковью. Священник использует любую возможность пробудить у заключенных интерес к познанию Бога, рассказать о божественной концепции мироустройства и места в нем человека. «*Мы пытаемся. Тут пути (религиозного воспитания) самые разные: и акафисты, и молебны. И через беседы, иногда молебны там были, и по ТВ были передачи, мы включаем. Разговариваешь везде, и по пути кто-нибудь подойдет. И как-то начальник смотрел из своего окна во двор, где я разговаривал с осужденными, и говорит мне потом: „Вот когда это было у нас, чтобы со священником в зоне можно спокойно поговорить!“ Есть уже несколько человек, которые занимаются духовным пением. Сами постигают его, я только немного помогаю. Литературой стараемся снабдить. Есть так называемая комната психологической разгрузки, там можно посидеть за столом, за чашкой чая пообщаться. Вот мы собираем небольшую группу, большая и не войдет. Организуем чай, к нему что-то. И я, и начальник колонии проводим с ними беседы. Там есть телеви-*

¹³ Юренко А. И. Праздники в современном православном приходе (на примере Рождества и Нового года) // Церковные праздники... С. 411.

зор и видеомагнитофон. Показываем кассеты с православными сюжетами. Назначаем старшего, и они сами смотрят. Но это сугубо добровольно. (Сейчас численность прихода?) Трудно определить, потому что один раз приходят одни люди, другой — другие. Но когда была служба в самом храме, то там бывало и по 50–60 человек. А молитвенная комната — небольшая». Поясним, что в 2006 г., когда велась беседа, храм Николая чудотворца на территории зоны еще только строился, в настоящее время уже полностью функционирует. Поэтому шесть лет назад о. Виктор не проводил еще литургии и соответственно не причащал, но принимал исповедь. И исполнение этого таинства можно считать едва ли не самым сложным в духовном служении в тюрьме. «Исповедь принимаю. Исповедуются разбойники — волосы дыбом встают не от того, какие страшные грехи рассказывают, а от того, как они исповедуются, с каким чувством покаяния. Как они себя осуждают. А спокойных людей на исповеди нет. В обычном храме разные подходят. Иногда подойдут и молчат, их выслушиваешь. Иногда: „Я ни в чем не грешна“. Я всегда говорю: „Обязательно исповедуйте тот грех, за который несете наказание“. Они и не скрывают. Горожане свои личные грехи скрывают, а эти — нет. (Понимание греха?) Вот именно. У них, кто исповедуется, это очень остро. И скажу почему: некоторых убийц-насильников преследуют даже их жертвы, они им не дают покоя нигде. И после исповеди я обычно провожу краткую беседу. И задаю им вопрос: „Вы бы в будущем совершили то же, что и сейчас?“ И слышу всегда: „Нет“.

Из комментариев священника ясно, что он совсем не уверен в том, что исправление в полной мере произошло, и опасность будущего совершения преступления исключена. Но понимает, что в момент духовного накала, максимального осознания вины и желания очищения, человек действительно готов к тому, чтобы никогда не брать на себя новый грех. Сложность служения тюремного священника в том, что он — не замполит, проводящий лишь воспитательные беседы. Он имеет дело с тайными движениями души человека, которого стремится направить к Богу. Одна из сложностей окормления заключенных в том, что здесь аккумулируется огромная масса реальных тяжелых грехов и мучающая человека боль за совершенное. Все это выливается на священника, придавая постоянно особую остроту таинству покаяния, не свойственную обычной

церковной практике. Простить услышанный грех бывает страшно, не менее страшно не простить кающегося. Бывает так, что именно «святые помощники» подсказывают батюшке правильное решение. «У нас так: икона Святой Троицы, аналой смотрит на икону святой Троицы. Осужденный стоит тоже лицом туда. А я сбоку. А на боковой стене икона святителя Николая. И у меня вопрос к себе же: что мне делать? Прощать ведь грех его, грех ведь смертный. И я в смятении. Или нужно ему какое-то наказание? Он кается, а я в раздумье. И мой взгляд упал на эту икону. И я смотрю а он не то, что улыбается, а лицо такое доброе-доброе сделалось на какое-то мгновение. Очень доброе и как бы слегка расплывшееся в какой-то улыбке, что ли. И я как посмотрел, думаю: „Святитель Николай прощает, а я?!“ Я тут же прочитал ему разрешительную молитву, все простил. И когда глянул на икону: может быть, мне почутилось, может быть, выглядит также? Смотрю — всё, уже как этот человек ушел, святитель Николай выглядел как обычно». Как говорит о. Виктор: бывают случаи, когда он не отпускает грехи, но редко. «Чаще прощаю, отпускаю. Иногда даже по обоюдному согласию: епитимью. Но это редко. Я подхожу с той позиции, что люди эти совершенно не знали ни Бога, ни церкви, были далеки от веры. Как бы в темноте. Но теперь свет для них хоть в какой-то степени воссиял, они к нему обращаются. Даже если один выйдет из зоны и не совершил такого преступления, то уже неплохо».

Тюремная ситуация специфична тем, что здесь, как нигде, по мнению священника, стоит проблема борьбы добра со злом. Здесь не обычные колебания, когда священник лишь только должен подправить ситуацию в сторону добра. В данном случае вопрос может иметь лишь альтернативное разрешение. «Еще есть известное: с кем поведешься, от того и наберешься. Но есть в колонии выбор: от беса уйти к Богу. И если человек сделает свой выбор, он пойдет к Богу. И не скажу, что многие, но некоторые приходят к вере в этих местах. Причем к вере приходят по-настоящему верующими людьми. У нас уже известны случаи — один человек принял сан».

Одну из причин преступного поведения священник видит в том, что попавшие сюда люди были в большинстве своем неокрещенные. И для них принятие крещения — первый шаг к Богу, а, следовательно, и к жизни по иным законам. «Раньше ведь не было ничего подобного, и в

других колониях не было — что могли приглашать священника. И у нас очень многие принимают крещение. Мы не вели учет, но явно более 1000 человек. Это с 1997 г., когда я стал священником. В колонии всего приблизительно 1000 человек и меньше. Да, среди осужденных неокрещенных было не мало — до 90%. Поэтому бес, как говорится, и воршил как ему было угодно».

Православие разными путями входит в жизнь заключенных. Одно из ремесел, которым занимаются обитатели колонии — изготовление подсвечников и резных рамок для икон, которые потом продаются в лавках города. Произошло уже и свое чудо с иконой, о котором можно сказать несколько слов, так как случилось оно в руках заключенного и вызвало отклик в высших духовных и судебных инстанциях. Отданная на реставрацию одному осужденному икона Иверской Божьей Матери вдруг «покрылась испариной» и пошел тонкий благовонный аромат. Осужденный был человек невоцерковленный и испугался, что икона отсырела и он будет виноват. Обратился к начальнику. Тот, как человек верующий, все понял. Сказал: «Не бойся, это чудо мироточения». Собрали совещание с представителями епархии и руководителями Воронежского управления исправления и наказания. Все приложились к этой иконе. Икона сейчас в Свято-Троицком храме-часовне рядом с зоной.

Активно сотрудничает с колонией-поселением и о. Владимир из г. Сурож. В местной колонии, где отбывают срок люди, совершившие нетяжелые преступления, оборудована специальная молельная комната, где «утром и вечером совершается молитвенное правило. Из осужденных есть ответственный, он и совершает молитвенное правило. Читает утренние и вечерние молитвы полностью, его на это благословляют. Акафисты читает». В колонии около 300 человек, посещают молитвенную комнату приблизительно человек 25. Здесь же священник может совершать литургию, регулярно проводит беседы, молебны. Руководство колонии поощряет церковную помощь в воспитании заключенных. Желающих присутствовать на службах освобождают от работ. О. Владимир исповедует заключенных, но не всегда допускает затем к причастию, считая нужным наложить епитимью — молитвы, поклоны. По словам о. Владимира, «икон много, но каких-то святынь нет. Есть даже иконы, сделанные руками осужденных, был даже резчик. С собой носят маленькие иконы». Любимыми святыми заключенных, как и следовало ожидать, стали

св. Анастасия узорешительница (планируется строительство церкви, посвященной этой святой) и Николай Чудотворец.

Но, по мнению общества и государства, улучшение нравственной ситуации с помощью православного вероучения требуется не только там, где находятся преступники. Все чаще, как показывают полевые исследования, возникают негативные ситуации, природа которых заставляет думать о невозможности исправить их обычными гражданско-правовыми мерами. В результате в общественном мнении крепнет убежденность в необходимости использования защитных средств из арсенала церкви. В разных местах мы фиксировали обращение к данной практике как последней надежде не только населения, но и светских властей. Как правило, потребность в православной защите возникала в связи с регулярно повторяющимися трагическими событиями, вызывающими чувство аномальности происходящего. Например, по словам священника из с. Темкино, «в с. Дербино началась очень высокая смертность, особенно среди молодежи от 15 до 25 лет, наркомания. И администрация вместе с населением попросили оградить село с четырех сторон крестами» (Темкинский р-н Смоленской обл., 2009). В с. Любовшо Брянской обл. 30 жителей разного возраста в течение двух лет покончили жизнь самоубийством. После этого население уверилось в воздействии на ситуацию сакрально-негативных сил, борясь с которыми возможно, лишь привлекая методы церковной защиты. Глава администрации пригласил духовенство, «устроили освящение села, с участием всех жителей был совершен крестный ход по селу, на въезде и выезде поставили кресты. Шли по центру, в центре был обряд, служба, певчие, воду святую принесли из Бобровой криницы, сам председатель на машине ездил. Рабочий день был, но очень много народа собралось. Дали всем воду, чтобы побрызгали дома» (Красногорский р-н, 2008). К практике православной защиты прибегают даже директора школ, видя в этом возможность обезопасить жизнь детей. Так, по словам верующей учительницы из г. Унечи, «наша школа стоит не на очень благополучном месте: было немецкое кладбище, а сейчас там спортивная площадка. Было много несчастных случаев, и в семьях много несчастных случаев. Директор разрешил освятить школу, и я позвала батюшку, втроем освятили. И другую школу освящали» (Брянская обл., 2013). Практически вошло в традицию освящать здания общественного характера — кафе, рестораны, гостиницы,

даже здания местного правительства, последнее, правда, в основном зависит от убеждений глав администраций. Характеризуя религиозную ситуацию в городе, о. Владимир из Сурожа добавил: «Глава администрации Зодиан Анна Алексеевна наша прихожанка. На все праздники старается быть с народом. И администрацию освящали. Как только она получила назначение на главу, сразу — давайте освятим. И школы, и больницы освящали» (Брянская обл., 2013).

Все чаще слышишь о том, что не только миляне и спонсоры жертвуют деньги на восстановление или возведение храмов. Посильную помощь оказывают и местные власти, но поскольку руководство городов и поселков не имеет права вкладывать деньги в церковное строительство, их помочь имеет обычно организационную или опосредованную форму. Так, администрация пгт Красная гора поступила следующим образом: «строят храм, есть пожертвования. Один дал 750 тыс. Это бывшие жители. Участок мы выделили и строим мы. Провели — отчисление однодневного заработка. Делаем по-разному. У нас было картофелехранилище. Отдали организации, а они приехали и заложили фундамент церкви бесплатно. Строит наша ПМК. Мы строим на народные деньги, люди помогают» (Брянская обл., 2012).

Организационную помощь в сборе средств на

церковные нужды по возможности оказывает и администрация г. Людиново. Приведем краткий анализ источников средств, поступающих на восстановление Казанского собора г. Людиново, сделанный его настоятелем о. Алексеем. «На уровне нашего района государственные структуры нас поддерживают в какой-то мере. У нас попечительский совет храма возглавляет глава района, колокольня возведена за счет меценатов. В прошлом году купили комплект колоколов — 3,5 млн. Деньги собирали марафоном по призыву попечительского совета. Все собирали, кто сколько, были и большие пожертвования. Был опубликован список жертвователей без указания суммы и общий итог. В газете каждую неделю печатали. В храме был сбор пожертвований с записью в тетрадь. И адрес, и подпись. Можно было через банк, и урна была. Один человек 1 млн дал. Организации помогают, кто на плаву. Есть необходимое для гражданского сообщества сотрудничество — церковных структур и светских» (Калужская обл., 2012).

И подытоживая характеристику взаимоотношений общества, государства и Церкви этот опытный батюшка, бывший учитель истории, добавил: «И это крайне необходимо России. Это очень хорошо понимают в Европе, так как это делает Россию более сильной. Любую возможность вбить клин между светскими и церковными

структурными, они используют, так как они не заинтересованы в союзе Церкви и государства».

Светская администрация становится посредником при возможных спорах между церковью и общественными организациями, помогает находить устраивающий обе стороны компромисс. Яркий пример — разрешение проблемы, возникшей при восстановлении храма Александра Невского в Симферополе. Дело в том, что на месте разрушенного храма в советское время был поставлен танк Т-34 как раз на алтарной части снесенного храма. «При начале воссоздания храма ветераны боялись, что танк отнесут куда-либо на задворки города. Владыка Лазарь нашел общий язык с председателем Верховного Совета Крыма коммунистом Грачом, тот собрал ветеранов и сказал: „мы ничего ломать не будем. Танк будет рядом. Собор Александра Невского, рядом памятник воинам — героям русско-турецкой войны и все вместе будет духовно-патриотический комплекс“. Это и произошло» (Симферополь, 2012).

Церковь не принимает участие в государственном управлении страной, но готова соучаствовать в жизни каждого ее жителя. Это не только духовное окормление, но и постоянная помощь в решении мирянами важных житейских проблем. Как показывает опыт священнослужителей, одними из самых важных в настоящее время являются проблемы семейные. Как со вздохом

сказал феодосийский благочинный, «наверное, надо уже какое-то образование получать по семейным проблемам, так как сталиходить семейные пары с семейными проблемами. Этого раньше не было. Есть такая тенденция, и это хорошая тенденция». Заметим, за советами к священнику приходят не только постоянные прихожане. О приоритете семейных проблем в круге интересов молодежи говорили и в Симферопольской епархии. «Когда мы первый раз съезд молодежи проводили, думали, больше будет народа в секции, где компьютеры, а большинство было, где семья, как создать и сохранить. То есть ребята интересуются. Программа по семье вызывает большой интерес и у мусульман, и у армян. Делаем выставку „Семейные реликвии“. Кто-то икону принесет, кто-то старинное Евангелие. Кто-то письмо, которое Сталин написал его дедушке» (Симферополь, 2012).

Перед Церковью стоит важная задача оценивать людей, считающих себя православными, но не проникнутых еще духом христианства как нормой жизни. Растет религиозная грамотность и потребность обращения к духовенству. Надо сказать, что в отличие от столичной центральной прессы, местные издания регулярно, хотя, может быть, и недостаточно, помещают сведения о церковной жизни своей местности, не считая при этом нужным изыскивать поводы для критики

духовенства. Из религиозных колонок провинциальной светской прессы люди получают не только сведения о приближающихся праздниках и торжествах и их проведении, но и информацию религиозно-просветительского характера. Конечно, в настоящее время священнику, дабы сделать храм и приходскую жизнь неотъемлемой частью жизни своих прихожан (а к таковым формально относят все живущее окрест население, тех, кто крестит и отпевает в данном храме), часто приходится выходить за рамки чисто церковного служения. Например, населению очень нравится такое совместное проведение праздников, о котором нам рассказали в г. Мосальске. «*Все зависит от батюшки. Первый ничего не делал. Второй очень активный и матушка его. Она проводила Троицу великолепно. На улице концерт, песни религиозные и советские, дальние столы с печеньями, пирогами и чай. Затем пришел третий батюшка. Ему рассказали, он один раз провел. Немного не так, но все-таки провел. Пригласили девочек из епархиального училища, пели. В этом году уже не делал. Почему — неудобно спрашивать. Может быть, денег нет*» (Калужская обл., 2010). Понимая своеобразие современного общества, церковь идет на уступки в религиозных правилах: разрешает заочное отпевание, берет во внимание разные поводы для разводов, многие священники считают разумным отложить венчание при светском бракосочетании.

Примеры взаимопроникновения Церкви и общества могут быть продолжены, хотя все социально-культурные инициативы церкви, ее выход в светское общество постоянно ограничиваются теми рамками, которые устанавливает государство. На наш взгляд, приведенные выше примеры соучастия церкви в общественной жизни или же приданье православной окраски общественным мероприятиям населения можно отнести к категории православной культуры, о чем шла речь в начале статьи. Положительный аспект происходящих в общественной жизни процессов безусловен. Но, тем не менее, остается вопрос:

всегда ли и насколько приобщение к православной культуре и следование ее нормам подразумеваю одновременное проникновение в духовную сущность православия? Подобные вопросы возникают не только у нас, но и у служителей церкви, опасающихся подмены веры формальным выполнением религиозных предписаний и рекомендаций. По этому поводу приведу слова священника из Унечского р-на, который не только ведет воскресную школу, но и преподает в общеобразовательной, т. е. постоянно соучаствует в воспитательном процессе. «*Сведение религии к культуре — это пагубно. Может быть, в современном мире это даже и желательно, но для церкви плохо. Нельзя ждать, что дети из младших классов потом будутходить в церковь. Лучше, чтобы ходили сознательно. Чтобы для них это была не только культура, а чтобы понимали суть. Что это не только обряды и торжества. И не хотят понять, сознательно от этого отворачиваются. Надо настаивать на том, чтобы вера была чистой, незасоренной чем-то мирским, так как вера и мир противостоят друг другу. Священник противостоит миру*» (Брянская обл., 2013). Конечно, само ощущение принадлежности к православной культуре не является ни свидетельством, ни гарантом веры в Бога, но проникновение этой культуры в ментальность наших современников, в их ориентацию в системе ценностей и восприятие мира в целом — это, как нам кажется, базовая основа для дальнейшего движения к вере и Церкви.

Идея противостояния мирского и церковного не характерна для большинства священнослужителей. В церковной среде превалирует концепция разделения функций со светскими инстанциями с невмешательством в сферу деятельности друг друга. Приветствуются разные формы взаимодействия, но без форсирования сближения. Главной задачей Церкви было и остается приводить человека к Богу, что, в конечном итоге, соответствует стремлению к гармоничному устроению общества и его государства.

